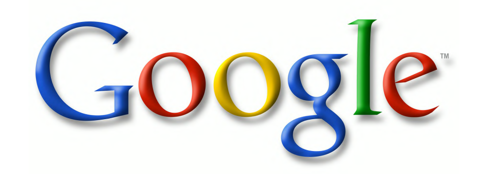
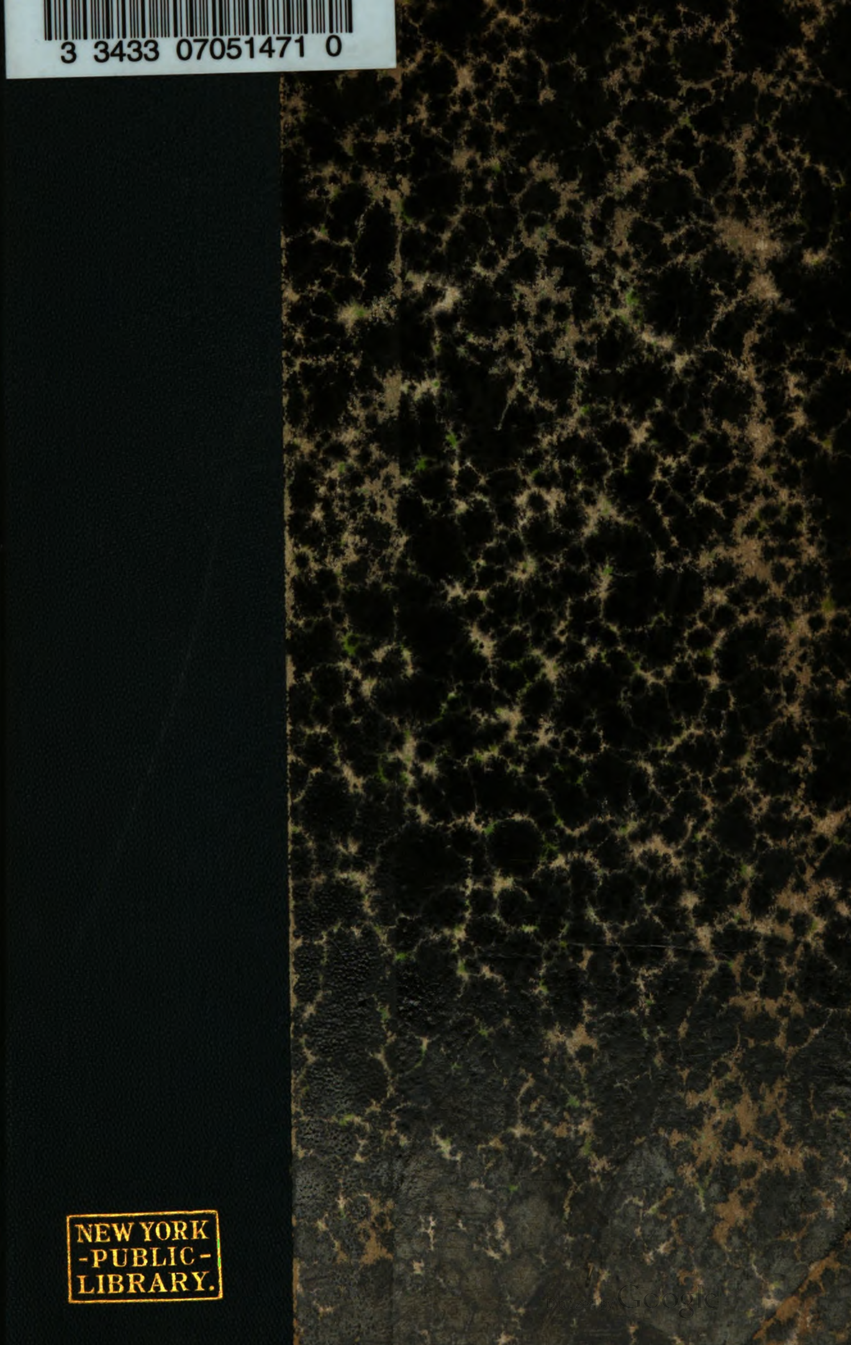

3 3433 07051471 0
NEW YORK
-PUBLIC-
LIBRARY.

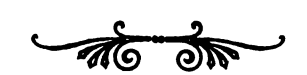

Стихотворенія.

М. Ватсонъ.

М. Ватсонъ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

* * *

Оставь унынье и сомнѣнье,
Они несутъ лишь пораженье,
Куютъ оковы для ума.
Бросайся въ битву безъ раздумья,
Люби отчизну до безумья,
И дрогнетъ мракъ, исчезнетъ тьма!

Въ бронѣ любви и упованья,
Въ бронѣ отваги и страданья,
Въ побѣду твердо вѣря, ты
Иди безтрепетно—призыву
Отчизны внемля и порыву
Своей возвышенной мечты.

Ужъ скоро свѣтлой чередою
Надъ изстрадавшейся страною
Вѣдь долженъ ясный день взойти,
И долженъ нити золотыя.
Лучи свободы огневые—
Въ ткань жизни радостно вплести.

Памяти павшихъ.

Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.
Еванг. Іоан. Гл. 15.

Геройски, при кликахъ побѣдныхъ,
За братьевъ измученныхъ, бѣдныхъ
Вы пали въ кровавомъ бою.
За нихъ, за ихъ правое дѣло
Вступились вы доблестно, смѣло—
И отдали душу свою.

О, жертвы борьбы вдохновенной!
Мы памяти вашей священной
Молитвы горячія шлемъ!
Вашъ образъ встаетъ величавый,
Сіяетъ незыблемой славой,
Горитъ лучезарнымъ огнемъ!

Защитники правъ угнетенныхъ,
Несчастныхъ, ярмомъ удрученныхъ
Явились вы, храбрая рать,
На помощь герою-народу,—
За счастье его и свободу
Пошли вы въ бою умирать!

И пусть не тревожатъ сомнѣнья,
Безплодныхъ усилій видѣнья
Глубокій, могильный вашъ сонъ:
Могучимъ сочувствіемъ полны
Бушуютъ народныя волны—
Вашъ подвигъ не даромъ свершенъ.

Пролитою братскою кровью
И преданной, чистой любовью
Вы двинули дѣло впередъ:
Настанетъ заря избавленья—
День свѣтлый свободы, спасенья
Для бѣдныхъ страдальцевъ взойдетъ!..

О, спите-жъ спокойно, со славой
Погибшіе въ битвѣ кровавой!
Ничто не нарушитъ вашъ сонъ,—
Могучимъ сочувствіемъ полны
Бушуютъ народныя волны:
Вашъ подвигъ не даромъ свершенъ!

Пиръ.

Шумный пиръ гремитъ, гудитъ и плещетъ
Многолюдной, бурною волной;
Все кругомъ горитъ, сіяетъ, блещетъ...
Лишь во мнѣ, безумной, адъ трепещетъ
И встаетъ видѣній грозныхъ рой.—

Вижу я, о родина святая:
Средь веселья, блеска, суеты,
Скорбь въ очахъ, голодная, нѣмая,
Въ тяжкихъ ранахъ, нищая, нагая,
Предо мною вдругъ явилась ты.

Въ залѣ блескъ—гремятъ веселья звуки,
Шумно плещетъ радости волна
Ты-жъ стоишь здѣсь, опустивши руки,
Блѣдный призракъ... Жгучихъ слезъ и муки
До краевъ душа моя полна.

О скорѣй,—къ тебѣ идемъ, родная,
Держимъ стягъ твой крѣпко мы въ рукахъ—
Силы всѣ тебѣ лишь отдавая,
Заблестишь отчизна дорогая,
Наконецъ, ты въ счастія лучахъ.

Иматра.

Межъ дикихъ, суровыхъ, скалистыхъ громадъ,
Вздымаясь и пѣнясь, шумитъ водопадъ,
Угрюмой и гнѣвной тревогою полнъ
Дробитъ миріады рокочущихъ волнъ.
Столѣтнія сосны тѣснятся кругомъ,
Его осѣняя зеленымъ вѣнцомъ.

Свободный отъ вѣка въ свободной странѣ,
Онъ гордо стремится къ родной вышинѣ,
И грозный далёко разносится вой...
Но странно (иль это лишь бредъ мой больной?)—
Сегодня и въ шумѣ свободныхъ валовъ
Мнѣ слышно бряцанье тяжелыхъ оковъ,
Мнѣ чудится: въ страхѣ и горѣ нѣмомъ,
Столѣтнія сосны поникли челомъ,
И черныя скалы, загадочный взглядъ
Впередъ устремляя, кому-то грозятъ!..

* * *

Не лазурью ясной, нѣжной
Мнѣ свѣтила даль; не розы
На пути моемъ блистали:
Вкругъ меня носились грозы,
И подъ вихремъ снѣжной бури
На рѣсницахъ стыли слезы.

Но предъ властною судьбою
Я не пала ницъ рабыней...
Бурямъ яростнымъ на встрѣчу
Шла я съ дерзостной гордыней!
И все ниже лишь склонялась
Предъ завѣтною святыней.

Предъ твоимъ крестомъ, отчизна,
Что̀ мой крестъ, мои мученья!
Всю тебѣ несу я душу,
Грезы всѣ и помышленья,
Всю любовь мою, всѣ силы,
Сердца каждое біенье!..

Памяти Н. К. Михайловскаго.

Неслышно ночь идетъ подъ чернымъ покрываломъ
И вмѣстѣ съ нею смерть,—и смерть къ нему вошла...
Вонзившись въ грудь его отравленнымъ кинжаломъ,
Своимъ, какъ острый мечъ, неотразимымъ жаломъ,—
Даръ жизни у него мгновенно отняла.

И нѣтъ его:—лежитъ землею онъ прикрытый,
Учитель нашъ и вождь съ могучею душой,
Нашъ милый, милый другъ лежитъ въ землѣ зарытый,
Но не забытый—нѣтъ, отчизной не забытый—
Столь дорогой ему родимою страной!

Ужъ скоро суждено увидѣть намъ сіянье
Свободы на Руси—но онъ, ея боецъ,
Не дожилъ до тѣхъ дней: онъ только зналъ терзанье
За родину, видалъ лишь родины страданья
И на челѣ ея—терновый лишь вѣнецъ!

---

* * *

Хотя еще на небѣ
Виситъ завѣса тучъ,
Но сквозь нея прорвался
Побѣдный солнца лучъ.

Мракъ дрогнулъ, быстро тѣни
Смущенныя, бѣгутъ—
Тѣснѣй, друзья, сплотимся:
Мгновенія не ждутъ.

Не сонный, не трусливый
Срываетъ съ древа плодъ—
Кто не пошелъ на приступъ,
Тотъ крѣпость не возьметъ.

Не могутъ быть закрыты
Къ свободѣ намъ пути,
И солнце надъ Россіей
Не можетъ не взойти!..

Въ одиночномъ заключенiи.

I.

Ночь идетъ неслышными шагами;
Воцарилась всюду тишина;
Изъ за тучъ дрожащими лучами
Блѣдный свѣтъ льетъ блѣдная луна.
Въ лунномъ свѣтѣ новая темница,
Грозно высясь, вонъ стоитъ вдали,
Какъ давно забытая гробница,
Страшный уголъ проклятой земли...
Лучшiй другъ несчастныхъ, утомленныхъ,
Сонъ-спаситель мощною рукой
Облегчилъ здѣсь участь заключенныхъ,
Далъ на время отдыхъ и покой.
Спятъ они; крылатой вереницей,
Можетъ быть, ихъ тѣшитъ дивный сонъ;
Изъ тюрьмы, быть можетъ, вольной птицей
Въ край далекiй ихъ уноситъ онъ.
За картинами встаютъ картины
Прихотливой, пестрой чередой.
Снятся имъ зеленыя долины,
Плескъ волны, сводъ неба голубой...
Какъ въ равнинѣ снѣговой, несчастный

Замерзая въ вьюгу и морозъ,
Видитъ сонъ обманчиво-прекрасный,—
Лѣтній зной, красу роскошныхъ розъ,
Такъ предъ ними образы былого
Вереницей свѣтлою встаютъ,—
Слышенъ шумъ имъ говора людского,
На свиданье милые идутъ;
Ихъ обнявши, крѣпко жмутъ имъ руки,
Безъ конца текутъ потоки словъ,
Жадно слухъ отвыкшій ловитъ звуки
Дорогихъ, знакомыхъ голосовъ.
Средь безмолвья одиночныхъ келій
Льется музыка живыхъ рѣчей,—
Такъ, врываясь въ тьму глухихъ ущелій,
Вдругъ заблещетъ яркій снопъ лучей.
Сладкій шопотъ въ воздухѣ несется;
Полонъ страсти, полонъ жизни онъ,
Громкій зовъ съ нимъ рядомъ раздается,
Будто колокола чистый звонъ.
Заключенныхъ нѣжа звукомъ слова,
Такъ давно умолкшаго для нихъ,
Чары сна на мигъ единый снова
Осыпаютъ тихимъ счастьемъ ихъ
Лишь затѣмъ, чтобъ муки заточенья
Завтра сердце жгли еще больнѣй,
Чтобы ядъ смертельнаго томленья
Въ грудь всосался глубже и сильнѣй!..

II.

Спять въ тюрьмѣ; но въ кельѣ отдаленной
За глухою каменной стѣной
Слышенъ стонъ; не спитъ тамъ заключенный
Съ виду мрачный, хилый и больной;
Онъ не спитъ, онъ смотритъ мутнымъ взоромъ,
Щеки впалы, блѣденъ онъ лицемъ,
Нервно вскрикнувъ, весь дыша укоромъ,
Онъ встаетъ и говоритъ съ трудомъ:
„Гдѣ-жъ конецъ ужасному мученью?
„Смерть, приди! Желанной гостьей будь!
„Дай исходъ безумному томленью,
„Успокой измученную грудь!..
„Беззаботно-весело на волѣ
„Люди, жизни радуясь, живутъ;
„Жизни радуясь... о страшной долѣ
„Тѣхъ, что здѣсь такъ горько ихъ клянутъ,
„И не вспомнятъ... тѣхъ, что въ полной силѣ
„Съ сердцемъ, громко бьющимся въ груди,
„Годъ за годомъ изнывать въ могилѣ
„Здѣсь они-же сами обрекли...
„Обрекли на страшное жилище,
„Этотъ полный ужасовъ вертепъ,
„Схороненныхъ за живо кладбище
„Одинокихъ мучениковъ склепъ!..
„Словно гнетъ недвижимой громады

„На груди отчаянье,—оно,
„Въѣвшись въ душу, не даетъ пощады,
„Тянетъ въ бездну черную на дно!
„Не найти ужаснѣй испытанья:
„Замурованъ въ душной кельѣ, мракъ,
„Одиночество кругомъ, молчанье,—
„А въ тиши какъ затаенный врагъ
„Вотъ крадется мѣрными шагами
„Сумашествья призракъ роковой,
„Смотритъ онъ ужасными глазами,
„Давитъ мозгъ желѣзною рукой!..
„Нѣтъ, ужъ лучше насъ вы безъ оглядки
„Палачу хоть сдайте подъ топоръ,
„Чѣмъ вводить примѣрные порядки,
„Утонченной мести лишь позоръ!..

. . . .

И въ потьмахъ, рукою онъ проворной
Крѣпко петлю затянулъ узломъ...
Утромъ трупъ нашли холодный, черный...
Унесли, зарыли подъ холмомъ!..

* * *

Бѣлоснѣжныя вершины
Вѣковѣчныхъ горъ,
Ихъ ущелья и стремнины,
Изумрудныя долины
И тѣнистый боръ;
Пышныхъ розъ благоуханье,
Миртъ и лавровъ лѣсъ,
Водъ сребристое мерцанье,
Солнца яркое сіянье
И лазурь небесъ,—
Все кругомъ меня, сверкая,
Мнѣ твердитъ одно:
„Не лучамъ земного рая—
„Волшебству родного края
„Скорбь цѣлить дано.
„О скорѣй же, не сгорая
„Здѣсь въ тоскѣ нѣмой,
„Изъ дали чужого края
„Одинокая, больная,
„Ты вернись домой!“

На смерть Некрасова.

Замолкла „муза мести и печали“,
Угасъ могучій нашъ поэтъ.
Его словамъ съ восторгомъ мы внимали,
Его мы чтили съ юныхъ лѣтъ!
Могильный сонъ, глубокій, непробудный,
На вѣкъ сковалъ уста пѣвца;
Изсякъ родникъ живительный и чудный
Въ груди холодной мертвеца,—
Родникъ любви той пламенной, священной,
Что по лицу земли родной
Съ такою силой дивной, неизмѣнной
Катился свѣтлою волной.
И мощный стихъ, карающій, печальный,
Будилъ заснувшія сердца,
Громилъ порокъ, народъ многострадальный
Облекъ сіяніемъ вѣнца.
И злобою, огнемъ негодованья,
Кипучей местью онъ звучалъ;
Сатирой жгучей, словомъ отрицанья
Добру и правдѣ поучалъ...
Въ землѣ сырой, въ могилѣ одинокой,
Спи мирно, славный нашъ поэтъ;

Съ тоской и скорбью, съ горестью глубокой
Тебѣ послѣдній шлемъ привѣтъ.
Рыдая, мы дрожащими руками
На гробъ бросаемъ твой цвѣты;
Весь въ зелени, межъ пышными вѣнками,
Лежишь въ гробу недвижимъ ты.
И знаю я, та зелень вся завянетъ,
И твой истлѣетъ бренный прахъ,
Въ сердца друзей забывчивость заглянетъ,
Какъ червь, ползущій на цвѣтахъ;
Но будешь жить ты въ памяти народной,
На вѣки сохранишься въ ней,
Поэтъ могучій, геній благородный
И слава родины твоей!

* * *

Надо мною солнце свѣтитъ,
Предо мной цвѣтутъ цвѣты,
А во мнѣ ликуетъ сердце!..
Знаю, другъ, что любишь ты!

Говорятъ, что тамъ, на небѣ
Гдѣ то есть блаженства край,
Свѣтлыхъ ангеловъ жилище
Обаянья полный рай;

Но зачѣмъ же рай далекій
Намъ искать на небесахъ,
Если здѣсь цвѣтетъ такъ пышно
Свѣтлый рай у насъ въ сердцахъ?

На морскомъ прибрежьи.

(На итальянскій мотивъ).

Онъ сказалъ волнѣ хрустальной:
Отчего къ скалѣ ты дальней
Съ вѣчнымъ плескомъ льнешь?
Отчего свои лобзанья
И мятежныя признанья
Неустанно ей несешь?

Знаешь ты, что сладкій шопотъ
Тихій плескъ и мѣрный рокотъ,
Неумолчный твой прибой
Не найдутъ себѣ привѣта,
Пронесутся безъ отвѣта
Надъ безчувственной скалой.

Ты лобзай ужъ лучше розы;
Въ часъ прилива моря грезы
Имъ повѣдай ты, любя.
И въ отвѣтъ благоуханье,
Ароматныхъ розъ дыханье
Заструится вкругъ тебя.

Но журчитъ волна морская:
„Никогда не ожидая
„Ничего взамѣнъ, даю—
„Всю себя даю въ дни бури,
„Въ дни сіяющей лазури
„И дарить не устаю.

„Я иду морской пустыней,
„Но себѣ, своей гордыни
„Мнѣ во вѣкъ не измѣнить.
„За любовь не жду услады,
„За любовь не жду награды,
„Я люблю лишь, чтобъ любить“.

---

* * *

Мой милый край, мой край родимый,
Что далъ тебѣ, что могъ я дать?
И чѣмъ я пылъ, въ душѣ хранимый,
Съумѣлъ на дѣлѣ доказать?

Чернѣй невзгода, мгла душнѣе;
О, еслибъ въ этотъ мракъ ночной
И я могъ бросить, пламенѣя,
Хотя-бъ единый лучъ живой!

О, еслибъ въ эти дни смятенья
До той поры, какъ въ землю лечь,
За край родной, хоть на мгновенье,
И я-бъ поднялъ побѣдный мечъ!

Самоубійство.

Призракъ чудовищный, страшный,
Кровью облитой тропой
По свѣту бѣлому рыщетъ
Тихо, неслышной стопой.
Тамъ, гдѣ терзаетъ несчастье,
Мучаетъ ужасъ и страхъ,
Люди гдѣ горько страдаютъ,
Призракъ стоитъ на часахъ.
Крѣпко, желѣзной рукою
Давитъ онъ мозгъ и туманъ
Стелетъ на душу, а въ сердце
Льетъ ядовитый дурманъ.
Силы растративъ всѣ въ битвѣ,
Съ горемъ,—не сладивъ съ тоской,
Прячутся слабые духомъ
Подъ гробовою доской,
Гибнутъ до времени, гаснутъ...
Выходъ не въ стойкой борьбѣ,
Въ вѣчномъ, могильномъ покоѣ
Ищутъ... находятъ себѣ.

Весной.

Въ дни свѣтлые весны, тепла и возрожденья,
Въ дни солнца и цвѣтовъ—природы пробужденья—
И у меня въ груди душа моя, бывало,
Надеждой опьянѣвъ, съ восторгомъ прозрѣвала
Въ сіяющихъ мечтахъ отчизны обновленье,
Безумная душа—не для одной природы—
Для родины ждала расцвѣта силъ, свободы.

И вновь цвѣтетъ сирень, вновь гнѣзда птицъ качаетъ
Душистый вѣтерокъ и сказки напѣваетъ
И шепчется съ листвой, порхая на просторѣ,
Но у меня въ груди душа въ оковахъ горя:
Развѣяна мечта, лучъ солнца угасаетъ—
Не вижу я весны, хожу я какъ въ пустынѣ—
„О родина моя, ты спишь еще донынѣ?“

* * *

(На испанскій мотивъ).

Подъ чернымъ навѣсомъ изъ сосенъ
Однажды, я въ полдня пору
Шла въ свѣтлую, раннюю осень
Въ густомъ и тѣнистомъ бору.

Шумѣлъ старый боръ такъ угрюмо,
Такъ грозно чернѣлъ онъ кругомъ,
Что вдругъ невеселая дума
Меня осѣнила крыломъ.

Сказала я: „здѣсь одиноко
Какъ въ склепѣ“—и тотчасъ въ отвѣтъ
Откуда-то эхо далеко
„Какъ въ склепѣ“ мнѣ бросило вслѣдъ.

Я вздрогнула: голосъ тотъ дальній
Звучалъ онъ въ душѣ вѣдь моей,
Звеня какъ аккордъ погребальный
Надъ счастьемъ промчавшихся дней.

* * *

Духъ времени освобожденный
Назадъ не повернетъ,
А свѣтомъ правды упоенный,
Въ свободу пламенно влюбленный,
Пойдетъ впередъ.

И скажетъ,—съ насъ спугнувъ дремоту,
Воздвигнувъ насъ отъ сна:
„Сбирайтесь дружно на работу,
„Ужъ солнце клонитъ къ повороту—
Идетъ весна!

„Ея я чувствую дыханье,
Ея я слышу зовъ,
„Жду жадно крыльевъ трепетанье,
„Полета въ высь и обаянья
Весеннихъ сновъ!

„И знаю—цѣпи всѣ порвутся,
„Не будетъ вновь ихъ—нѣтъ—
„Какъ только грозы пронесутся,
„Потокомъ надъ страной прольются
„Свобода, свѣтъ!“

* * *

Сколько юныхъ грезъ, бывало,
Старый лѣсъ, шумя листвою,
Мнѣ шепталъ... Какъ жадно рвалась
Я въ тѣ дни, мой другъ, съ тобою
Къ счастью, къ солнцу, къ пышнымъ розамъ,
Къ сладкой нѣгѣ и покою.

Не сбылись мечты: иныя
Мнѣ несла судьба даянья—
Бури, громъ, тревогу, жертвы,
Сердца боль, души терзанья—
Какъ виномъ, упилась скорбью
Полной чашей я страданья!

А межъ тѣмъ, своей я доли
Не кляну; иного счастья
Не ищу: горѣлъ такъ ярко
Правды лучъ мнѣ и въ ненастьѣ,
И любви я столько знала,
Столько счастія въ несчастьѣ!..

Голосъ изъ Трансвааля.

Смерть кругомъ... Горячей кровью
Весь залитъ нашъ край родимый...
Но въ груди геройской буровъ
Живъ огонь неугасимый.

Тотъ огонь—любовь къ отчизнѣ,
Тотъ огонь—любовь къ свободѣ,
Нѣтъ той силы, что смогла-бы
Истребить его въ народѣ!

Пусть-же врагъ нещаднѣй губитъ,
Пусть еще сильнѣе давитъ,—
Но смириться, подчиниться
Насъ во вѣкъ онъ не заставитъ!

Пусть кругомъ чернѣе тучи,
Пусть страшнѣй бушуетъ битва,—
На душѣ—одно желанье,
На устахъ—одна молитва:

„Дай еще, еще, о Боже!
За свободу намъ сразиться,
Изъ ноженъ нашъ мечъ священный,
Боевой нашъ мечъ стремится:

Противъ ста одинъ—идемъ мы,—
Всѣ себя приносимъ смѣло
На алтарь отчизны, въ жертву
За святое наше дѣло...

И настанетъ часъ желанный,—
Яркій лучъ во тьмѣ пробьется
И въ груди остывшей міра
Сердце пылко вновь забьется.

Въ этомъ холодѣ бездушномъ,
Въ этомъ мракѣ молчаливомъ
Пусть теперь хоть голосъ правды
Грянетъ пламеннымъ призывомъ.

Сразу рушитъ всѣ преграды
Взрывъ святой негодованья,—
Онъ смететъ позоръ бездѣйствья
И уйметъ онъ крикъ страданья.

И тогда побѣдой вспыхнетъ
Лозунгъ бурскаго народа
И гласить во вѣкъ онъ будетъ:
Независимость, свобода!

---

* * *

Другъ далекій, одинокій
Умираетъ на чужбинѣ...
А кругомъ него такъ пышно
Словно въ сказочной картинѣ
Все живетъ и расцвѣтаетъ,
Въ вѣчно солнечной долинѣ.

Въ мягкомъ воздухѣ повсюду
Ароматъ разлитъ душистый,
Бирюзой сверкая, волны
Тихо льнутъ къ скалѣ кремнистой,
И горитъ въ несмѣнномъ блескѣ
День прозрачно-золотистый.

Подъ улыбкой солнца пальмы
Тамъ родятся и на диво
Выростаютъ мощнымъ лѣсомъ,
А сребристая олива
Что то шепчетъ бѣлымъ миртамъ
Вдоль цвѣтущаго обрыва.

Кипарисы въ темныхъ ризахъ
Смотрятъ въ высь, не уставая,

Тихо млѣя, дремлютъ пихты
Имъ вершинами кивая.
И въ лазури яркой тонетъ
Небосводъ земного рая...

А въ раю томъ благодатномъ,
Въ вѣчно-солнечной долинѣ
Другъ далекій, одинокій
Умираетъ на чужбинѣ
И на милый сѣверъ рвется
Въ безысходной онъ кручинѣ.

„Умираетъ", шепчетъ вѣтеръ,
Пролетая надъ садами,
„Умираетъ", роза розѣ
Говоритъ росы слезами,
Вторятъ ей чуть слышно пальмы
Изумрудными листами.

Пѣсня Болгарина.

Все кругомъ молчитъ постыдно, равнодушно;
Воцарилась тишина
Надъ Европой. Вновь торжественно, бездушно
Успокоилась она.

Все молчитъ; погасъ лучъ свѣтлый состраданья,
Гдѣ-жъ искать спасенья намъ?
Какъ вдохнуть, о братья, пылъ негодованья
Въ ледяную душу вамъ?

Вся въ крови, какъ будто въ пурпурѣ державномъ,
Жемчугъ—море слезъ кругомъ,
Помощь ждетъ страна болгаръ въ бою неравномъ
Съ вѣковымъ своимъ врагомъ.

Истерзалъ ее онъ въ бѣшенствѣ кровавомъ,
Всюду внесъ онъ смерть, пожаръ...
И въ цѣпяхъ, въ вѣнцѣ страдальца величавомъ,
Гибнетъ родина болгаръ.

Вся она—одно громадное кладбище,
Безконечный рядъ могилъ.
Безнадежной скорби мрачное жилище
Страшный склепъ погибшихъ силъ.

Словно камень, что лежитъ въ пустынѣ дальней,
Всѣми брошена она;
И забытъ народъ многострадальный,
Разоренная страна!..

Все кругомъ молчитъ. Холодный, равнодушный,
Отвернулся цѣлый свѣтъ;
Надъ Европой вновь разсчетъ царитъ бездушный,
И нигдѣ защиты нѣтъ!

---

* * *

Въ бѣдномъ сердцѣ неразумномъ,
Необузданномъ моемъ,
Съ пыломъ знойнымъ и безумнымъ
И негаснущимъ огнемъ,
Въ этомъ сердцѣ—скорбь и счастье
Свѣтъ и тьма, лазурь и громъ,
Радость, горе, гнѣвъ, участье—
Только нѣтъ покоя въ немъ.

Панихида.

Въ пышномъ гробу, недвижима, блѣдна,
Сномъ непробуднымъ спитъ мирно она.
Теплятся свѣчи и тусклымъ лучемъ
Тихо скользятъ надъ безмолвнымъ лицомъ;
Ладанъ дымится кругомъ... На распѣвъ
Стройно звучитъ панихиды напѣвъ.
Въ пышномъ гробу, въ дорогихъ кружевахъ,
Мертвой лежитъ она въ лентахъ, въ цвѣтахъ.
Бѣдная!.. Какъ ей хотѣлося жить,
Какъ ей хотѣлось и жить, и любить.

Горько надъ нею рыдаетъ семья—
Слезы невольно роняю и я.
Кончено:—вдоволь наплакались мы,
Вѣчную память пропѣли попы.
Вѣчная память!—ироньей звучитъ
Возгласъ тотъ,—сердце въ груди мнѣ щемитъ—
„Вѣчная память!..“ О Боже ты мой—
Памяти что же короче людской!..

На чужбинѣ.

(На итальянскій мотивъ).

По темной, безмолвной лазури
Воздушной дорогой своей
Проходитъ луна золотая
Въ вѣнцѣ серебристыхъ лучей.
Проходитъ луна золотая,
И тихо взываю я къ ней:
„Дай вѣсть мнѣ о милой отчизнѣ,
„О бѣдной отчизнѣ моей!“

„Мнѣ некогда!.. Поздно... Спѣшу я...“
Сквозь бѣлый таинственный свѣтъ
Мнѣ шепчетъ луна, озираясь
Бѣгущему облаку вслѣдъ;
Мнѣ шепчетъ луна, озираясь,
Чуть слышно, тревожно въ отвѣтъ:
„Спроси ты зарю и, быть можетъ,
„Услышишь желанный привѣтъ“.

Въ лучахъ золотисто-пурпурныхъ
Выходитъ заря изъ за горъ,
Бросая по небу топазы,
Роняя жемчужный уборъ,

Бросая по небу топазы,
На просьбы мои и укоръ:
„Спроси облака",—отвѣчаетъ,
Потупивъ сіяющій взоръ.

И долго, до сумерекъ ночи,
Шлю громкій я зовъ облакамъ:
„О, дайте мнѣ вѣсть объ отчизнѣ,
„Скажите, что видѣли тамъ?
„О, дайте мнѣ вѣсть объ отчизнѣ?.."
Въ отвѣтъ—по горамъ и доламъ
Вдругъ грянула буря, и молньи
Я вижу и внемлю громамъ.

---

* * *

Тяжелъ твой путь, народъ еврейскій,—
Тернистый и кровавый путь!
И вновь вонзился мечъ злодѣйскій
Въ твою страдальческую грудь!
Вновь посѣтили скорбь и горе
Твоихъ сыновъ и дочерей...
И жгучихъ слезъ струится море
У неповинныхъ изъ очей!
Грабежъ, убійство, кровь, глумленье,
Насилье... Бѣдный, бѣдный братъ!
О вѣрь: свершая преступленье,
Они не знали, что творятъ!

Вы,—вы убійцы, кто преступно
Въ собратьяхъ угашалъ любовь,
Змѣинымъ ядомъ неотступно
Кропилъ имъ сердце вновь и вновь!
Пророки лжи и фарисейства!
Водами всѣхъ морей и рѣкъ
Пятна позорнаго злодѣйства
Не смыть вамъ съ рукъ своихъ во вѣкъ.

Открой заплаканныя очи,
Несчастный мученикъ-народъ:
Во мракѣ вѣковѣчной ночи
Заря побѣдная встаетъ!

* * *

Я устала, мой другъ,
Утомилась въ пути,—
Безпощадно палилъ
Зной полдневный меня,
Сердце горемъ полно,
Слезы выжгли глаза.
Я устала въ пути,
Утомилась, мой другъ;
Но въ душѣ не угасъ
Прежній пылъ боевой,
Натискъ жадный судьбы
Все-жъ меня не сломилъ.
Не изсякли въ груди
Два ключа-родника:
Счастье вѣры въ людей
И любовь безъ конца.
И покуда въ груди
Бьютъ живою струей
Тѣ ключи-родники,
Не страшусь я судьбы—
Навсегда сохраню
Въ сердцѣ пылъ боевой
И любовь безъ конца

---

* * *

Отчизна моя дорогая,
Мой милый, родимый народъ,
Когда-жъ,—словно солнце сверкая,
Свобода надъ вами взойдетъ?

Въ дни юности ранней любила
Я пылкой любовію васъ;
Шли годы; все ту же хранила
Любовь я, тотъ пылъ не угасъ.

И сердце, томясь и сгорая,
Такъ жадно для васъ оно ждетъ
Свободы и счастья, святая—
Отчизна, страдалецъ-народъ!

Варавву иль Христа?

Въ разливѣ огненномъ сіялъ Іерусалимъ:
Пурпурно-темными, горячими лучами,
Волшебнымъ моремъ свѣта, блескомъ золотымъ
Пылало солнце юга знойно надъ домами,
Надъ свѣжестью зеленою садовъ,
Надъ роскошью душистою цвѣтовъ.

По раскаленнымъ плитамъ улицы, тѣснясь,
Гудѣлъ, волнуяся, народъ толпой громадной.
Горячій солнца лучъ, какъ зарево свѣтясь,
Огнемъ всѣхъ обливалъ, томилъ жарой не щадной
Шумѣла, нетерпѣніемъ полна
Толпы несмѣтной пестрая волна.

На встрѣчу вышелъ къ ней смутившійся Пилатъ:
„Христа-ль, Варавву-ль отпустить—рѣшайте сами"
Въ отвѣтъ ему не бури раздался раскатъ,
То загремѣлъ мгновенно воздухъ голосами,
И бѣшено кричали всѣ они:
„Варавву отпусти, Христа распни!.."

Въ вѣнкѣ терновомъ, крестъ тяжелый на плечахъ,
Не слыша злобныхъ криковъ и проклятій
Взирая на толпу лишь съ жалостью въ очахъ,
Терпя, любя, прощая, шелъ Онъ на распятье.
И всѣ бросали камнями въ Него,
Въ печальника Святого своего.

Межь тѣмъ, Варавву громко чествуя, за нимъ
Ликуя шелъ народъ, въ преступномъ ослѣпленьи
Его привѣтсвуя избранникомъ своимъ.
Въ тупомъ безсмысліи, въ безумномъ изступленьи
Пороку наглому воздвигнувъ храмъ,
Толпа ему кадила ѳиміамъ!..

———

* * *

Ахъ, въ моемъ сердцѣ изнывшемъ,
Страстно тебя полюбившемъ,
Страсть ту въ себѣ схоронившемъ
Трудной борьбой;

Въ бѣдномъ томъ сердцѣ ужъ нынѣ,
Словно въ безлюдной пустынѣ
Въ выжженной солнцемъ долинѣ—
Мертвый покой!

Молитва.

Съ глубокимъ волненіемъ, съ чувствомъ живымъ,
Съ горячей любовью, всѣмъ сердцемъ моимъ
Шлю къ небу я пламенно, громко мольбу:
Господь Вседержитель! святую борьбу
Героевъ-славянъ за родимый ихъ край,
За правду, свободу, побѣдой вѣнчай!
Несли они долго—рядъ цѣлый вѣковъ—
Всѣ ужасы рабства, всю тяжесть оковъ;
Невинная кровь ихъ лилася волной,
Потоками алыми, красной рѣкой.
Что темныя тучи въ ненастные дни
Стояли надъ ними разбой, грабежи,
Кровавая пытка владыкъ-мусульманъ...
Господь! Дай побѣду оружью славянъ!
Пусть свѣтлымъ сіяніемъ миръ и покой
Взойдетъ надъ измученной, бѣдной страной!
Пусть солнце свободы въ величьѣ своемъ
Заблещетъ надъ нею отраднымъ лучемъ,
Пусть громкую славу,—побѣды вѣнецъ,
Борцамъ за отчизну даруетъ Творецъ.
И вѣрю я твердо: страдалецъ-народъ!

Настанетъ то время и часъ тотъ пробьетъ,
Могучей рукою, въ геройской борьбѣ
Ты счастье, свободу, добудешь себѣ!
И тамъ, гдѣ не умерли чувство и честь,
Съ восторгомъ услышать желанную вѣсть!

---

* * *

Видишь, какъ тучи сгустились,
Тяжко на небѣ висятъ,
Яркимъ огнемъ озарились?
Слышишь-ли грома раскатъ?

Было на сердцѣ чернѣе
Тучъ тѣхъ, той бури страшнѣй,
Жгло его горе сильнѣе
Молніи яркихъ огней,

Милому другу когда я,
Крѣпко припавши къ груди,
Молвила, громко рыдая:
„Милый, навѣки прости“.—

У колыбели.

Дитя спитъ въ колыбели,
У колыбели мать
Сидитъ и глазъ не можетъ
Отъ сына оторвать.

Прозрачный, блѣдный мѣсяцъ
Слегка скользитъ по немъ
Дрожащимъ, длиннымъ, бѣлымъ,
Серебряннымъ лучемъ.

„Мой милый, милый мальчикъ,—
Такъ шепчетъ мать,—темно
Грядущее; кто знаетъ,
Что дастъ тебѣ оно.

„Быть можетъ, блескъ, побѣда
И слава надъ тобой
Засвѣтятъ лучезарной
Сіяющей звѣздой.

„Быть можетъ ждетъ иное:
Тяжелая судьба,

Тернистый путь, страданья,
Упорная борьба.

„Но здѣсь у колыбели
Твоей, мой дорогой,
Нѣтъ, не о томъ молитву
Творю я всей душой,

„Чтобъ солнце золотое
Огнемъ своихъ лучей
Сіяло надъ тобою,
Надъ жизнею твоей.

„Молюся я, мой мальчикъ,
Чтобъ силу ты имѣлъ
Любить, скорбѣть, трудиться—
Чтобъ стойкимъ быть умѣлъ.

„Чтобъ не далъ стужи зимней
Забраться въ сердце ты,
Не поддался-бы власти
Тщеславья, суеты,

„Чтобъ предъ добра святыней,
Предъ правды алтаремъ
Стоялъ ты неподкупнымъ
Служителемъ-жрецомъ.

„Нѣтъ цѣли лучезарнѣй,
Свѣтлѣе нѣтъ вѣнца,
Какъ за святыню правды
Бороться до конца“.

Мать смолкла, спитъ малютка;
А мѣсяцъ все кругомъ
Скользитъ дрожащимъ, длиннымъ,
Серебрянымъ лучемъ.

---

* * *

Помнишь ты, мой другъ безцѣнный,
Уголокъ за далью сада,
Гдѣ въ тѣни душистой липы
Насъ и въ зной ждала прохлада?

Сколько тамъ съ тобой, мечтая
На скамьѣ въ уединеньи—
Пережили мы отрадныхъ,
Упоительныхъ мгновеній.

Насъ манила даль лазурью,
Жизни садъ сверкалъ цвѣтами,
Небо радостно сіяло
И внутри насъ и надъ нами.

А теперь?—Пышнѣй та липа
Разрослась, прекраснѣй розы,—
И развѣяны, поблекли
Только наши сны и грезы!..

Мать.

I.

Ночь стоитъ надъ ширью Волги.
По лазури темныхъ водъ
Тихо двигаясь, мелькаетъ
Черной тѣнью пароходъ.

Уложивъ малютокъ милыхъ,
Мать въ каютѣ сладко спитъ.
Вѣетъ вѣтеръ легкокрылый,
За волной волна бѣжитъ.

Тишина, безмолвье всюду,—
Слышенъ только мѣрный плескъ,
И на небѣ ярко свѣтитъ
Звѣздъ далекихъ чудный блескъ.

II.

Вдругъ по Волгѣ, имъ на встрѣчу,
Съ быстротою роковой

Пароходъ другой несется
Вихремъ, тучей громовой...

Неизбѣжно столкновенье—
И насталъ ужасный мигъ:
Громче бури грохотанья
Раздается страшный крикъ.

Крикъ пронзительный, стоустый,—
Нарушая тишь и сонъ
Воплемъ дикимъ и безумнымъ
Оглашаетъ воздухъ онъ.

Шумной, бѣшенной волною
Прорывается вода,—
Много жертвъ она уноситъ
Въ глубь пучины навсегда.

Дѣтокъ къ трепетному сердцу
Прижимаетъ крѣпко мать,
Держитъ ихъ въ объятьяхъ страстныхъ,
Никому не дастъ отнять.

Но волна напоромъ грознымъ
Разлучаетъ силой ихъ,
И малютокъ вырываетъ
Изъ объятій дорогихъ.

III.

Погибающимъ на помощь
Загудѣлъ набата зовъ,
И на Волгу выплываютъ
Спѣшно лодки рыбаковъ.

Изъ пучины водъ спасеннымъ
Вновь сіяетъ жизни свѣтъ...
Молодая мать межъ ними,..
Но ея малютокъ нѣтъ!

Вотъ глаза она открыла
И глядитъ;—безумный страхъ
Леденитъ несчастной душу,
Стынетъ слово на устахъ.

„Ваши дѣти утонули"...
Говорятъ ей.—Дикій взоръ
Глазъ испуганно раскрытыхъ
Небу шлетъ нѣмой укоръ.

И безъ жалобы, безъ крика,
Вся, какъ мраморъ холодна—
Съ крутизны стремглавъ высокой
Въ Волгу бросилась она.

*

Пронеслась, всплеснувъ надъ нею,
Быстротечная вода,
И съ дѣтьми въ одной могилѣ
Мать заснула навсегда!

* * *

Увы!—и подъ небомъ лазурнымъ
Средь блѣдныхъ сребристыхъ оливъ
Не сладила съ горемъ я бурнымъ
И властнымъ, какъ моря разливъ;

Не сладила съ мукой сердечной...
Покоя нигдѣ не найти...
Ношу я подъ маской безпечной
Смертельную рану въ груди...

* * *

Вечернее солнце,
Прощальнымъ лучемъ
Скользя, озаряетъ
Вершины кругомъ.

День свѣтлый на склонѣ—
Уходитъ онъ прочь—
Безмолвно, вся въ черномъ,
Спускается ночь.

Зажжетъ она звѣзды,
Засвѣтитъ луну,
Прольетъ на природу
Покой, тишину.

Лишь сердце все той же
Тревогой полно,
Все также безумно
Пылаетъ оно.

И таже все дума,
Мѣшая заснуть,

Сверлящимъ вопросомъ
Вонзается въ грудь:

„Когда, о когда же
Найдешь, край родной,
Въ свободѣ ты отдыхъ,
Въ свободѣ покой!“

Родная печать.

Глухимъ, мертвящимъ сномъ, постыднымъ малодушьемъ
Ее пытались отравить;
Въ бунтующую грудь вонзали когти злые,
Чтобъ спутать гордыхъ мыслей нить.
Укора громкій стонъ и крикъ негодованья
Душили на ея устахъ;
И, плѣнную, ее угрозой властной мнили
Склонить, трепещущую, въ прахъ.
Когда же сердце ей сжигалъ огонь мятежный
И не могла она молчать,—
Отравой жгучихъ ранъ терзать ее спѣшили
И острымъ терніемъ вѣнчать...
Довольно мрачныхъ сновъ! Пора, друзья, намъ слиться,
Въ одинъ воинственный союзъ,
Пора сомкнуть ряды и съ пыломъ дерзновеннымъ
Расторгнуть звенья тяжкихъ узъ!
Пусть сумрачную жизнь лучемъ горячимъ, страстнымъ
Любовь къ свободѣ озаритъ,
И пламя той любви сильнѣй цѣпей желѣзныхъ
Другъ съ другомъ насъ соединитъ.

Лишь прозвучи скорѣй ты, благовѣстъ желанный!
Сумѣетъ вольная печать
И пламенную мысль, и гордыя стремленья
На благо родины отдать!

ПЕРЕВОДЫ.

ИЗЪ ЭСПРОНСЕДЫ.

На смерть Торрихоса и его товарищей.

У берега шумнаго моря, всѣ въ рядъ,
Сраженные смертью кровавой,
Покрытые вѣчною славой,
Борцы за свободу отчизны лежатъ.

Пылая любовью горячей, они
Взошли надъ страною родимой,
Истерзанной, бѣдной, гонимой,
Что красное солнышко въ темные дни.

Ихъ память почтимте слезами, друзья!—
И скорбь наша крови потокомъ
Въ бою пусть польется жестокомъ...
Безстрашны мы будемъ, губя и разя!

И дрогнутъ враги... И увидятъ въ рядахъ
Суровые призраки павшихъ,
За родину душу отдавшихъ,—
И ужасъ родится въ ихъ низкихъ сердцахъ!

Война.

Слышишь?—Пушки гремятъ.—Грудью пламенной я
Шлю войнѣ пѣснопѣнье, привѣтъ,
И раскатамъ и грому орудій, друзья,
Будетъ лирою вторить поэтъ.

Всталъ народъ, что во прахѣ поникши лежалъ,
Сбросилъ иго тяжелое съ плечъ ,
Всемогущимъ героемъ, онъ всталъ и поднялъ
Деспотизму на гибель свой мечъ.

Слышу звуки голосовъ,
Вижу сталь горитъ, сверкаетъ,
Солнца лучъ на ней играетъ,
А знамена колыхаетъ
Вѣтеръ. Барабана зовъ
Гулъ утесовъ повторяетъ,
И сильнѣе закипаетъ

Въ груди доблестной, смѣлой героевъ-бойцовъ
Духъ отваги, огнемъ онъ горитъ.
„За отчизну, свободу", восторженный зовъ
Поднимается, всюду гремитъ.

Товарищи, дружнѣй впередъ!
Насъ родина зоветъ,
Мечъ въ руки намъ даетъ,
Велитъ идти на бой.
Отчизну славой озаримъ,
Спокойствіе дадимъ,
Ее провозгласимъ
Свободною страной.
Смотрите, вотъ ея враги
Ликуютъ посреди
Дымящейся крови,
Средь рабства и цѣпей!
Сильнѣй къ нимъ ненависть горитъ,—
О, пусть борьба кипитъ,
Пока не истребитъ
Нашъ мечъ ватаги всей.
Отечество! О звукъ святой,
Звукъ сердцу дорогой.
Свобода! Образъ твой
Волшебный свѣтитъ намъ!
Знамена ваши мы несемъ,
За васъ на смерть идемъ,
Покой и миръ вернемъ
Роднымъ полямъ, лугамъ.
Друзья, кому кликъ боевой
И барабана бой,
И пушекъ громъ глухой
Не восторгаетъ грудь?

Смотрите, славы лучъ блеститъ,
Надъ нами онъ стоитъ,
Онъ пламенемъ горитъ,
Онъ освѣщаетъ путь.

Всѣ къ оружью! Пусть гибнетъ враговъ нашихъ сбродъ,
Пусть преступная кровь ихъ рѣкой,
Пусть потоками алыми въ море течетъ,—
Смерть врагамъ! Всѣ къ оружію! Въ строй!
Громко пѣсни, веселые гимны звучатъ,
Приближается радостный часъ,
И разбитыя рабства оковы летятъ:
Водворилась свобода у насъ!

Палачъ.

Гонимый презрѣньемъ, проклятьемъ отмѣченъ,
Одинъ человѣчества грѣхъ я несу;
Преступные люди надменно кидаютъ
Въ меня все презрѣнье и ненависть всю.
Кровавыя муки,
Расправу и дикую месть свою дали
Они въ мои руки
И громко сказали:
„Пусть общій позоръ нашъ падетъ на него,
„Пусть будетъ отнынѣ онъ проклятъ во всемъ
„Презрѣньемъ покрытое имя его
„И хлѣбъ, добываемый крови путемъ,
„Онъ сыну въ наслѣдство
„Пускай оставляетъ,
„Его наставляетъ
„Быть тѣмъ же, чѣмъ онъ".
И всѣ устранились,
Взваливъ на меня всѣ свои преступленья
И издали слушаютъ, безъ сожалѣнья,
Мой плачъ и мой стонъ.

А тотъ, кто на пытку и смерть осуждаетъ,
Того превозноситъ и чествуетъ свѣтъ...
Иль думаютъ люди, что чувства, быть можетъ,
Палачъ не имѣетъ, что сердца въ немъ нѣтъ?
Не знаютъ, что тоже
И онъ, какъ они, на себѣ отражаетъ
Твой образъ, о Боже!
Какъ звѣрю бросаетъ
Голодному, лютому, сторожъ живьемъ,
Въ желѣзную клѣтку, добычу порой,—
Бросаютъ такъ люди, въ бездушьи своемъ,
На смерть осужденнаго—мнѣ на убой!..
И всѣ неповинны!..
Одинъ я изъятье,
Одинъ я проклятье
Несу за все зло...
Смотрите, въ уплату
За казни мнѣ деньги въ лицо какъ швыряютъ!
Меня, всѣмъ имъ равнаго, какъ презираютъ
Они глубоко!

Мученья, ужасныя пытки, рыданья
Страдальцевъ, ихъ крики, глухой трескъ костей—
И вопли, и стонъ, раздирающій душу,
Кровавые взмахи сѣкиры моей—
Все духъ возбуждаетъ
И дикимъ веселіемъ, злобнымъ, глубокимъ,
Мнѣ грудь наполняетъ.

Подъ взмахомъ жестокимъ,
Отъ плечъ отдѣлившись, на плахѣ летитъ
Когда голова, вся въ крови—а кругомъ
Толпа любопытныхъ стоитъ и дрожитъ—
Сіяю я гордо въ восторгѣ нѣмомъ.
Мнѣ злоба людей вѣдь
Всю грудь сожигаетъ,
Въ ней дышетъ, пылаетъ
Ихъ ненависть вся;
Жестокость ихъ сердца
Ко мнѣ перешла и, кровавое мщенье
Ихъ выполнивъ, ужасъ—и въ немъ наслажденье—
Испытывалъ я.

Поднявшись надъ гордой, вельможною знатью,
Вездѣ попирающей дерзко законъ,
Палачъ съ королемъ всталъ на плаху, и кровью
Державной обрызгалъ разрушенный тронъ;
И ею, ликуя,
Упился въ тотъ день, и веселіемъ шумнымъ
Сіялъ, торжествуя,
Въ восторгѣ безумномъ.
Съ лица его ужаса мрачная тѣнь
Исчезла, явилась улыбка на немъ,
И весь просвѣтлѣлъ онъ въ тотъ памятный день,
Глаза загорѣлись зловѣщимъ огнемъ:
Вѣдь самъ сталъ царить онъ,
Палачъ величавый!

*

Онъ местью кровавой,
Онъ злобой блисталъ.
Народъ, такъ высоко
Вознесшій въ свирѣпомъ своемъ увлеченьи
Его,—въ немъ державца, властителя мщенья
Со страхомъ призналъ.

И всюду въ исторіи мрачныхъ скрижаляхъ,
Написанныхъ кровію рокомъ, судьбой,
Стоитъ во весь ростъ изваянный мой образъ,
Преступнаго прошлаго отблескъ живой.
Вѣка за вѣками
Ужъ сотнями канули въ вѣчность,—а твердо
Онъ, злобы руками
Воздвигнутый гордо,
Позорный тотъ памятникъ—плаха стоитъ...
И тщетно, о люди! вашъ разумъ орломъ
Къ источнику свѣта стремится, летитъ:
Вь нашъ вѣкъ еще мыслимъ палачъ съ топоромъ!
О, каждая капля,
Пролитая мною,
Пусть ляжетъ горою
На совѣсть людей.
Да! все еще живъ я,
Преступныхъ, далекихъ временъ отраженье,
Повсюду влача за собою видѣнье
Кровавыхъ тѣней!

О сынъ мой, малютка мой бѣдный, несчастный
Зачѣмъ ты родился на стыдъ и позоръ?..
Улыбкою ангела личико свѣтитъ,
Сіяетъ невинною кротостью взоръ...
Ахъ, сердце терзаешь
Мнѣ дѣтской ты прелестью, чистой и ясной
Ты грудь разрываешь
Мнѣ мукой ужасной!..
Съ восторгомъ любви не гляди на него
Несчастная женщина, бѣдная мать!
Жалѣя дитя, задуши ты его,
И будетъ онъ счастливъ—не будетъ страдать.
Иль хочешь, чтобъ тоже
На путь мой неправый,
Позорный, кровавый,
И сынъ нашъ вступилъ?
Чтобъ милый малютка
Невинный, прелестный, добру лишь доступный,
Какъ я—о проклятье!—презрѣнный, преступный
На свѣтѣ прожилъ?

Прощаніе греческаго патріота съ дочерью ренегата.

Ночная царитъ тишина; серебристымъ
Сіяніемъ мѣсяцъ ее освѣщаетъ;
Но свѣтятъ милѣе лучистые очи
Красавицы, полныя слезъ и страданій.
Съ отчаяньемъ нà сердцѣ, въ мѣстѣ пустынномъ
Она повстрѣчалася съ юношей милымъ
И вотъ, предъ разлукой, въ послѣдній разъ слышетъ
Несчастная голосъ возлюбленный, сладкій.
„Прощай навсегда. Безполезно, напрасно
Теперь вспоминать намъ о прошломъ блаженствѣ;
Послѣдніе проблески свѣтлой надежды
Исчезли—окуталъ насъ мракъ безпросвѣтный.
О Боже! какъ справимся съ горькой судьбою?..
Какими мольбами растрогаемъ сердце
Отца твоего—его низкую душу?..
Да, низкую: предана рабски-покорно
Она деспотизму.—Отчизною нагло
Торгуетъ отецъ твой; капризы султана
Законами онъ почитаетъ святыми.
Борьбу за свободу отчизны, онъ бунтомъ
Зоветъ; онъ винитъ насъ, продажною рѣчью

Льститъ деспоту; насъ убѣждаетъ покорно
Нести ненавистное иго; султану
Намъ съ трепетомъ рабскимъ велитъ поклоняться.
Но нѣтъ—все жива еще древняя Грецiя!
Царить мусульманинъ не будетъ надъ нами,
Не будетъ владѣть обнищалымъ народомъ,
Страной раззоренной, разграбленной нагло,—
Однѣ лишь могилы ему мы оставимъ.
Безстрашной рукою разбить мы дерзнули
Оковы позорнаго рабства и громко,
Съ восторгомъ привѣтствуемъ всѣ васъ обѣихъ—
Желанная смерть иль свобода святая!
Побѣдные клики поднимутся всюду,
Раздастся веселая пѣсня свободѣ,
Иль вѣчная смерть надъ страной воцарится
И всю ее черною мглою покроетъ.
Отступникъ отецъ твой, подъ сѣнью Стамбула
Отчизну свою оскорбляющiй нагло,—
Увидитъ что цѣпи не свяжутъ народа
Свободнаго. Нѣтъ, ихъ сломать онъ съумѣетъ.
Иди, возвѣсти ему: тысячи храбрыхъ
И я въ ихъ числѣ, мы геройскою смертью
Клялись умереть, иль владычество турокъ—
Опору предателя гнуснаго рушить.
Скажи ты ему, что въ оковахъ мы рабства
Хотя и томились, душой же рабами
Мы не были; предковъ наслѣдье, ихъ доблесть
И мужество свято въ груди мы хранили.

Скажи ты ему, что постыдное иго
Нести терпѣливо, покорно, лишь можетъ
Душа ему равная, гнусное сердце
Предателя: кровью родной обагренный,
Онъ дерзостно вновь угрожаетъ отчизнѣ.
Прости мнѣ, несчастная, если затронулъ
Словами я рѣзкими дочери чувство.
Ахъ, помню—отецъ твой когда то былъ другомъ
Мнѣ близкимъ... О, еслибъ счастливое время,
Тѣ свѣтлые дни не исчезли на вѣки!
Тогда бы судьбу, безотрадную долю
Свою не винилъ я, и горькія слезы
Твои не сжигали-бъ мнѣ бѣдное сердце...
Отецъ твой—о Боже—личиною дружбы
Прикрывшись—въ то время, какъ Греція, вспыхнувъ
Священнымъ пожаромъ, рукою отважной
Ломала постыднаго рабства оковы
И радостно, полною грудью вдыхалъ я
Блаженство свободы,—возмнилъ нечестивецъ
Прельстить красотою твоею мнѣ душу,
Цѣною руки твоей думалъ участьемъ
Моимъ заручиться въ преступной измѣнѣ!..
Чтобъ я былъ рабомъ ненавистной ватаги
Презрѣнныхъ султана рабовъ!.. О, пусть лучше
Растерзанный трупъ мой, лишенный могилы
Гніетъ въ чистомъ полѣ; но сладостью жизни,
Блаженствомъ любви упиваться въ позорѣ
Я въ вѣкъ не рѣшусь... О, прощай, дорогая,

Прощай навсегда... Ахъ постой... лишь мгновенье
Одно... Поцѣлуй лишь единый, послѣдній...
О Боже! Кровь стынетъ, сжимается сердце...
Нѣтъ, ужасы ада сравниться не могутъ
Съ той мукой, что душу мою разрываетъ".

Сказалъ... разошлися: осталось ей бѣдной
Ждать въ смерти одной для себя утѣшенья...
Погибъ онъ въ сраженьи—она же, горюя,
Въ могилу сошла преждевременной жертвой.

Нищій.

Міръ мнѣ принадлежитъ; какъ вѣтеръ, я свободенъ,
Другіе трудятся, чтобъ хлѣбъ былъ у меня;
Всѣ жалость чувствуютъ, когда въ лохмотьяхъ, нищій,
Прошу подачу Христа ради я.

Во дворцѣ я, и въ лачугѣ,
Нахожу вездѣ пріютъ,
Если бѣшеныя вьюги,
Бури шумныя подруги
Вдругъ завоютъ, заревутъ,
И губительной волною,
Увлекая все съ собою,
Съ горъ потоки побѣгутъ.

Теплый уголъ уступаетъ
Селянинъ мнѣ близъ огня,
Съ тихой ласкою встрѣчаетъ
И охотно угощаетъ,
Чѣмъ Господь послалъ, меня;
Скромный ужинъ съ нимъ съѣдаю
И свой голодъ утоляю
Безъ заботъ и хлопотъ я.

Иль въ хоромахъ у вельможи
Гдѣ заваленъ пышный домъ
Всѣмъ, что лучше и дороже,
Тонкихъ яствій роскошь тоже
Изобилуетъ кругомъ,—
Съ пира барскаго остатки
Ѣмъ на кухнѣ безъ оглядки,
Сладкимъ лакомлюсь кускомъ.

И мыслю про себя: бушуя надъ долиной
Пусть вѣтеръ носится,—а ты, гроза, реви—
Подъ тихій трескъ въ огнѣ горящаго топлива
Засну спокойно я, безъ злобы и любви.
Міръ мнѣ принадлежитъ; какъ вѣтеръ, я свободенъ...

За дары благодѣянья
Я молитвою плачу,
И усердныя воззванья
Къ Богу шлю за всѣхъ, даянье
Отъ кого я получу.
Но когда ихъ собираю
Кто даетъ ихъ мнѣ—не знаю
И узнать я не хочу.

Милосердья приношенья
Ото всѣхъ, всю жизнь свою
Принимаю безъ зазрѣнья,
Но любви и уваженья

Имъ въ замѣнъ я не даю.
Благодарностью не связанъ
Я ни съ кѣмъ: подать обязанъ,
Кто молитву ждетъ мою.

Грѣхъ богатство, бѣдность свята,—
Вѣдь гласитъ Писанья сказъ
Про скупца, что жаждетъ злата
Чья душа лишь тьмой объята,
Богъ каралъ его не разъ,
Услыхавъ,—съ небесъ спускаясь,
Нищимъ въ домъ къ нему являясь—
Въ подаяніи отказъ.

Я бѣденъ и вездѣ встрѣчаю состраданье,
Куда бы жалкій стонъ и плачъ мой не проникъ;
Незримо между тѣмъ богатствомъ я владѣю,—
Поборъ во вѣкъ неисчерпаемый рудникъ.
Міръ мнѣ принадлежитъ, какъ вѣтеръ, я свободенъ...

Весь морщинами изрытый,
Съ продырявленной сумой,
Босъ и худъ, тряпьемъ прикрытый,
Я иду, имущій, сытый,
Неустанно за тобой.
Видитъ всюду франтъ блестящій
По пятамъ за нимъ слѣдящій
Хилый, жалкій образъ мой.

От красавицы нарядной,
Чей ласкаетъ кругозоръ
Жизнь картиной ненаглядной,
Пышной, свѣтлою, отрадной,
Не отстану до тѣхъ поръ
Я, пока не омрачили
Грязь лохмотьевъ, запахъ гнили,
Ей хоть мигъ веселый взоръ.

Средь торжествъ и ликованья
Шума громкаго пировъ,
Свѣтлой радости сіянья,
Смѣха, пѣсенъ, струнъ бряцанья,
Звона чашъ, веселыхъ словъ—
Я внезапно выступаю
И уныло повторяю,
Свой печальный, тихій зовъ.

Доказывая тѣмъ, что близко въ жизни горе
Граничитъ съ радостью; сквозитъ печаль всегда
Въ весельи, горечь слезъ со смѣхомъ неразлучна,
И спутникъ счастія—несчастье и бѣда.
Міръ мнѣ принадлежитъ, какъ вѣтеръ я свободенъ...

Ничего меня не можетъ
Опечалить, огорчить:
Что ждетъ завтра—не тревожитъ,
День вчерашній грудь не гложетъ,

Въ мигъ добро и зло забыть
Я привыченъ—равнодушный
Ко всему—въ больницѣ-ль душной,
Во дворцѣ-ль мнѣ завтра быть.

Чужды мнѣ воспоминанья,
Я свободенъ отъ заботъ,
Славы блескъ, любви дыханье,
Жажда золота, мечтанья
Пусть другихъ влекутъ впередъ:
Ничего я не желаю
И спокойно принимаю,
Что даетъ дневной чередъ.

Пусть законы отмѣняютъ
Ихъ толкуютъ, какъ хотятъ,
Королей пусть прогоняютъ
Иль на троны ихъ сажаютъ
Все, что вздумаютъ, творятъ,
Бѣденъ я, и подаянья
Изъ за страха наказанья
Дать всѣ нищему спѣшатъ.

Вездѣ убѣжище отъ бури, непогоды
Сыщу себѣ всегда, въ довольствіе свое
Найду въ больницѣ уголъ, а по смерти яму
Куда зароютъ тѣло жалкое мое.

Міръ мнѣ принадлежитъ; какъ вѣтеръ, я свободенъ!
Другіе трудятся, чтобъ хлѣбъ былъ у меня;
Всѣ жалость чувствуютъ, когда въ лохмотьяхъ, нищій,
Прошу подачу Христа ради я.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПОЭМЫ «МІРЪ САТАНЫ».

I.

Гимнъ смерти.

Изъ бездны, покрытой глубокою ночью,
Туманною, черною, страшною мглой,
Гдѣ тишь и молчанье ничто не нарушитъ,
Гдѣ вѣчно царитъ непробудный покой,
Встаетъ съ тихой жалостью, съ грустью во взглядѣ,
Прозрачною дымкой окутанъ кругомъ,
Туманнаго призрака обликъ неясный
Видѣніе женщины съ блѣднымъ лицомъ.
Несутся по воздуху дивные звуки
И сладостный голосъ внезапно запѣлъ,
Для слуха неслышно, лишь сердцу понятно
Напѣвъ тотъ струной серебристой звенѣлъ:

„Не страшися, слабый смертный,
Темноты кругомъ меня,
Сладкій отдыхъ забытья
На моей груди найдешь ты,
Успокою я тебя.

Милосердая, дарую
Людямъ тихій я пріютъ,
Гдѣ печали не живутъ,
Гдѣ вдали отъ шума міра
Безъ слѣда онѣ замрутъ.

Я средь жизненнаго моря
Островъ отдыха. Въ конецъ
Утомившійся пловецъ
Тутъ грозу минувшей бури
Забываетъ, наконецъ.
Тутъ ко сну манитъ прохлада
Молчаливыхъ, ясныхъ водъ;
Вѣтра легкаго налетъ
Тихо, тутъ порхая, пѣсню
Колыбельную поетъ.

Я плакучей ивы образъ—
Надъ страдальческимъ челомъ
Тѣнью сумрачной кругомъ
Наклоняю грустно вѣтви,
Съ внизъ поникнувшимъ лицомъ.
Усыпляю сномъ глубокимъ,
И уснушему на вѣкъ
Тихій я даю ночлегъ:
Спитъ подъ крыльями забвенья
Здѣсь спокойно человѣкъ.

Я послѣдней страсти жрица,—
Сбросивъ съ плечъ своихъ покровъ,
Безъ печали и шиповъ
Для любви изготовляю
Ложе сна среди цвѣтовъ.
Жгучей нѣгою желанья,
Пыломъ счастья не горю,
Но зато любовь мою
Безъ обмана и измѣны
Я навѣки отдаю.

Предо мной наука молкнетъ,
Предо мной сомнѣній гласъ
Утихаетъ, и какъ разъ,
Тотчасъ правдѣ обучаю
Ясной, голой, безъ прикрасъ.
Тайну жизни, тайну смерти,
Знанья всякаго вѣнецъ
Здѣсь коснется лишь мудрецъ,
Для него когда открою
Въ вѣчность дверь я, наконецъ.

Приходи въ мои объятья,
Мнѣ на грудь склонись главой:
Отдыхъ долгій, вѣковой
У меня найдешь ты, кончивъ
Подвигъ жизни трудовой.
Приходи, постель готова,

Сладко ты заснешь на ней
Подъ охраною моей!
Словно мать любовью нѣжной
Окружу тебя своей.

Пусть бросаются другіе
Безбоязненно впередъ
Въ жизненный водоворотъ,
Гдѣ обманчивой волною
Ихъ въ глубь бездны унесетъ.
Въ жизни все вѣдь ложь, все призракъ:
Громогласный гулъ побѣдъ,
Быстротечной славы свѣтъ,
Блескъ надежды лучезарный
И любви безумный бредъ!

Я неслышною рукою
Прикоснусь къ твоимъ очамъ,
И тогда уже слезамъ,
Полнымъ горести и муки,
Не струиться по щекамъ;
Наболѣвшую я душу
Сладкимъ ядомъ оболью,
Всѣ страданія уйму,
Лишь въ груди біенье сердца
Я на вѣкъ остановлю.

---

*

II.

Гимнъ безсмертья.

„Слава тебѣ, животворное пламя,
Неистощимое жизни зерно,
Творческой силы побѣдное знамя,
Въ цѣпи творенья златое звено!

Пламенемъ вѣчнымъ ты солнце питаешь,
Небо обводишь лазурью кругомъ,
Розовымъ блескомъ зарю украшаешь,
Въ сумракѣ мѣсяцъ даришь серебромъ.

Эхо даешь ты дремучему бору,
Зелени роскошь его деревамъ,
Ревъ урагана морскому простору,
Говоръ сребристый студенымъ ключамъ.

Ты ароматы въ цвѣты наливаешь,
Въ каждой росинкѣ огонь твой блеститъ,
Въ шепотѣ вѣтра ты тихо вздыхаешь,
Въ грохотѣ бури твой голосъ звучитъ.

Въ нѣдрахъ глубокихъ земли всѣ металлы
Ты разливаешь могучей рукой—
Жемчугу блескъ ты даешь и кораллы
Ты насаждаешь въ пучинѣ морской.

Черною мантіей ты разстилаешь
По небу тучи и въ вихрѣ летишь,
Воздухъ дыханьемъ своимъ наполняешь,
Въ яркомъ сіяніи молній горишь.

Ты тотъ рычагъ, что вкругъ оси незримой
Всѣ заставляешь вращаться міры,
Юности вѣчной и неуловимой
Щедрой рукой раздаешь ты дары“.

Къ отечеству.

(Элегія).

Забыта, заброшена, словно въ пустынѣ
Лежишь ты, родная страна,
Ты долго надъ міромъ царила, а нынѣ
Унижена ты и бѣдна.

Изъ глазъ твоихъ слезы по блѣднымъ ланитамъ
Текутъ непрерывной струей;
На сердцѣ измученномъ, скорбью разбитомъ,
Унынье гнѣздится змѣей.

Смерть тьмою одѣла тебя непроглядной,
Покрыла покровомъ своимъ,
Съ зловѣщимъ весельемъ тиранъ безпощадный
Смѣется надъ горемъ твоимъ.

Тебя онъ несчастную, злобно терзая,
Дѣтей твоихъ лучшихъ губилъ.
Свободу и правду пятой попирая,
Кого нечестивецъ щадилъ?

О, братья товарищи! къ вамъ шлю воззванье
Печальнымъ стихомъ я своимъ,
Скажите: какое сравнится страданье
Съ мученіемъ горькимъ моимъ?

Я знаю, несчастный, скитаясь въ изгнаньи,
Что стонетъ отчизна въ цѣпяхъ,—
Что доблести прежней въ ней нѣтъ обаянья,
Что гибнетъ родная въ слезахъ.

Въ угоду тирану клевреты бездушно
Пронзили страдалицы грудь,
Покрыли позоромъ ее равнодушно,
Ей терньемъ осыпали путь.

Испанья объятья въ тоскѣ непритворной
Къ сынамъ простирала съ мольбой,—
Они поднялись, но измѣною черной
Расторгнутъ союзъ ихъ святой.

Гдѣ-жъ мечъ твой могучій, отчизна родная?
Гдѣ славныхъ героевъ ряды?
Гдѣ каменныхъ стѣнъ твоихъ броня тройная?
Увы! гдѣ свободы слѣды?

Искусно поставлены были ей сѣти,
Не смѣвъ разорвать ихъ тогда,

Въ ярмо деспотизма впряглись твои дѣти,
Покрытые краской стыда.

А славой когда-то гремѣла Испанья,
Сверкала лучемъ золотымъ
Могущества, доблести, блескомъ сіянья,
На диво народамъ другимъ.

Какъ кедры Ливана, она упирала
Чело свое въ высь облаковъ;
Какъ громы пугаютъ дѣтей—устрашала
Такъ рѣчью своею враговъ.

Теперь-же лежитъ, словно камень въ пустынѣ,
Она одиноко,—сыны
Въ защиту ей вставшіе, всѣ на чужбинѣ
Въ изгнаньи скитаться должны.

Величье и роскошь былыя покрыты
Травою забвенія, мхомъ;—
Дни блеска, могущества, счастья—забыты,
Уныніе, стонъ лишь кругомъ.

И носимъ на сердцѣ, горюя въ изгнаньи,
Все тѣ же мы думы свои:
Залѣчитъ кто раны тебѣ, о Испанья,
Кто слезы осушитъ твои?

ИЗЪ БЕККУЕРА.

(Съ испанскаго),

Забытая арфа.

Въ пыли, забытая, нѣмая,
Стояла арфа золотая
Въ углу гостинной. Сколько въ ней
Таилось звуковъ нѣжныхъ, страстныхъ,
Хранилось пѣсенъ сладкогласныхъ!
Ждала лишь арфа, чтобъ пришли
И чтобъ искусною рукою
Извлечь сумѣли звукъ игрою.
Ахъ, думалъ я—вотъ такъ въ груди
Порой глубоко дремлетъ геній
И ждетъ онъ только откровеній,
Призыва свыше—„встань, иди“.

* * *

Какъ пчелъ раздраженныхъ рои,
Изъ памяти темныхъ угловъ
Картины былого встаютъ,
Преслѣдуютъ, мучатъ меня;
Хочу отогнать ихъ я прочь,
Но тщетны усилья мои—
Онѣ окружаютъ меня,
За мною всѣ гонятся вслѣдъ,
И жало вонзаютъ свое
Безжалостно въ душу мою,
Язвя и терзая ее.

ИЗЪ СЕРВАНТЕСА.

I.

На взятіе Голетты.

Сонетъ.

За свой подвигъ святой, души славныхъ бойцовъ,
Вы отъ жизни земной и отъ дольняго тлѣнья
Вознеслись въ горній край и въ блаженства селенья,
Отряхнувъ, словно прахъ, свой тѣлесный покровъ.

Пылъ геройскій въ груди, вы всѣ шли на враговъ,
На несмѣтныхъ враговъ, въ боевомъ упоеньи,
Кровью ихъ и своей обагряя въ сраженьѣ
Воды дальнихъ морей и равнины песковъ;

И не мужество вамъ—силы вамъ измѣнили.
Побѣжденные, вы хоть и пали въ бою
Но побѣднымъ вѣнкомъ вы себя осѣнили.

За кровавую смерть и за гибель свою,
На землѣ славу вы и безсмертье стяжали,
Въ небесахъ свѣтлый рай и блаженство познали.

II.

На взятіе форта.

Сонетъ.

От этихъ дикихъ мѣстъ и дальнихъ береговъ,
Отъ павшихъ этихъ стѣнъ,—гдѣ всюду разрушенье,
Въ высь неба отлетѣвъ нашли упокоенье
Святыя души тамъ трехъ тысячей бойцовъ.

Сражались всѣ они съ безумствомъ храбрецовъ,—
Въ душѣ горѣлъ огонь, въ груди пылало мщенье,
Но было тщетно все: проиграно сраженье...
Легли они въ бою, и верхъ взялъ сонмъ враговъ!

Какъ много было тутъ, и крови, и страданій,
Какъ здѣшнія мѣста въ былыя времена
И въ наши дни, полны больныхъ воспоминаній!

Но чистыхъ душъ такихъ, суровая страна,
Ты къ небу никогда еще не отсылала,
Столь доблестныхъ людей во вѣки не видала!

* * *

Надежда сладкая моя,
Когда преграды всѣ свергая предъ собою,
Отвага юная твоя
Тебя ведетъ тобой начертанной тропою,
Не унывай, хотя-бъ кругомъ
Грозила смерть и надъ тобой гремѣлъ бы громъ!

Не тотъ, кто въ нѣгѣ утопалъ,
Иль кто главу клонилъ пугливо въ день ненастья
Восторгъ побѣды узнавалъ—
Не тотъ вкусилъ, не тотъ и могъ извѣдать счастье,—
Съ судьбой бороться кто не смѣлъ,
Чей плѣнный духъ въ лѣнивой дремѣ обомлѣлъ.

* * *

По любви волнамъ безбрежнымъ
Мореходъ любви плыву я,
Но не свѣтитъ мнѣ надежда,
Что могу войти я въ гавань.

Путь держу я за звѣздою,
Что мнѣ издали сіяетъ—
Лучезарнѣй и прекраснѣй,
Чѣмъ всѣ звѣзды Палинуро *).

Приведетъ куда не знаю
Та звѣзда—плыву въ смятеньи,
Беззаботный, полнъ заботы,
Устремясь къ ней всей душою.

О звѣзда, твоимъ сіяньемъ
Лишь однимъ живу, дышу я,
И въ тотъ мигъ, какъ ты погаснешь,
Въ тотъ же мигъ умру и я.

---

*) Кормчій Энея въ Энеидѣ Виргилія.

На смерть Ларры.

Изъ Зорильи).

Раздается гулъ печальный,
Похоронный, тихій звонъ.
Но любви привѣтъ прощальный
Мертвецу звукъ погребальный
Тщетно шлетъ—не слышитъ онъ.
Трупъ холодный, бездыханный,
Глухъ и нѣмъ лежитъ поэтъ;
Кончилъ онъ свой подвигъ бранный—
Праздникъ жизни, пиръ желанный
Самъ покинулъ въ цвѣтѣ лѣтъ.
Видѣлъ мракъ и разложенье,
Скорбь и холодъ онъ кругомъ,
И заснулъ безъ сожалѣнья
Онъ тѣмъ сномъ, что пробужденье
Лишь даетъ въ міру иномъ.

Былъ онъ цвѣтъ, лучемъ спаленный,
Ключъ, изсякшій въ лѣтній зной,
Хоть завялъ цвѣтокъ зеленый,
Не бѣжитъ ручей студеный

Серебристою волной,—
А все льетъ благоуханье
Вкругъ себя цвѣтокъ степей,
И живетъ ручья созданье:
Травъ высокихъ колыханье,
Зелень пышная полей.
Такъ поэта пѣснопѣнье,
Вдохновенные труды,
Не умрутъ они въ забвеньи,
Принесутъ его творенья
Благодатные плоды.

Мирно спи, поэтъ. Глубокій
Пусть могильный твой покой
Не тревожитъ шумъ далекій,
Крикъ враговъ, упрекъ жестокій.
Только тихо надъ тобой,
Словно вѣтеръ легкокрылый,
Средь безмолвія степей
Скорбной пѣсни звукъ унылый
Пусть раздастся надъ могилой,
Одинокою твоей.
Есть-ли тамъ, за облаками,
Рай, безсмертія міры,
Намъ невѣдомо; но нами
Здѣсь безсмертія дарами
Ужъ давно увѣнчанъ ты.

La Siesta.

(Изъ испанскихъ романсеро).

Съ вѣтромъ шепчется чуть слышно
Надо мной листва—
И въ тѣни, подъ шопотъ листьевъ,
Засыпаю я.

Вѣтеръ сладко такъ порхаетъ,
Что уноситъ въ даль
Мысли всѣ мои съ собою,
Гонитъ прочь печаль.
Сердце радостно трепещетъ,
И мечтаю я,
Будто счастьемъ осыпаетъ
Небо вдругъ меня.
И въ тѣни подъ шопотъ листьевъ
Засыпаю я.

Если-жъ вспомнится мнѣ горе—
Посмотрѣвъ кругомъ,
Какъ цвѣты цвѣтутъ роскошно,

Обо всемъ другомъ,
Я мгновенно забываю.
Слышу вновь листва,
Тихо шепчетъ надо мною,
Клонитъ къ сну меня,
И въ тѣни подъ шопотъ листьевъ
Засыпаю я.

ИЗЪ ДЖУСТИ.

Съ итальянскаго.

Джинджиллино.

Двуличность, алчность, чванство,
Холопство, трусость, интригантство,—
Весь сонмъ духовъ, чья слава,
Занятье, цѣль, забава
Брать подъ крыло свое и руководство
Неоперившихся птенцовъ,
И ихъ вести путемъ душевнаго уродства
До высшихъ ступеней,
Довольства, почестей,
Чиновъ и производства,—
Собрался какъ-то разъ подъ ночь у колыбели
Малютки Джинджиллино, и запѣли
Всѣ хоромъ здѣсь кантату мудрыхъ изрѣченій,
Достойныхъ тѣхъ временъ и поколѣній,
Когда подобныя воззрѣнья,
И успѣваютъ, и цвѣтутъ,
И къ почестямъ ведутъ:

*

„Баю баюшки... Сквозь слезы
Ты взглянулъ на Божій свѣтъ,—
Если-жъ хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ,

Помни наше наставленье,
Имъ проникнися, дитя,—
И всплывешь тогда, какъ пробка,
Надъ пучиной бытія.

Съ малыхъ лѣтъ учись смиренно
Класть въ карманъ пинки, толчки,
Получать съ довольнымъ видомъ
Всевозможные щелчки...

Круто вожжи ли подтянетъ
Педагогъ,—главу клони;
Унижайся, пресмыкайся,
Шею выверни,—но гни.

Безотвѣтенъ и безгласенъ
На дому и въ людяхъ будь,
И вездѣ, всегда старайся
Стушеваться какъ-нибудь.

Отъ всего, что стойко, смѣло,
Отрекися съ юныхъ лѣтъ,—

Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Ни въ душѣ твоей, ни въ мысляхъ
Не встаетъ пусть никогда
Славы яркое видѣнье,
Чести свѣтлая звѣзда.

Отвернись, какъ отъ заразы
Отъ сомнѣній и отъ бѣдъ,
Отъ тревогъ всѣхъ, что извѣстность
За собой ведетъ во слѣдъ.

Безъ затѣй тщеславныхъ нѣчто
Изъ наукъ извлечь, узнать,—
Для домашней лишь потребы
Научись писать, читать.

Все, отмѣчено что геньемъ,
Ты считай за глупый бредъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Твердо знай, и помни твердо:
Строгій дашь отвѣтъ, дружокъ,
Ты скорѣй за промахъ малый,
За оплошности грѣшокъ,

Чѣмъ за злѣйшее дѣянье,
За позорнѣйшій грабежъ,
Если дѣло ты искусно,
Втихомолку поведешь.

Правымъ будь вездѣ и всюду,—
Вѣрь:—далеко не уменъ,
Тотъ, кто тотчасъ согласится,
Что ошибку сдѣлалъ онъ.

Самъ въ обманъ ты не вдавайся,
Но вводи въ обманъ весь свѣтъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Изощряйся и въ наукѣ
Ставить сѣти дуракамъ,
Подъ шумокъ, съ невиннымъ видомъ,
Завлекать друзей въ капканъ.

Съ Богомъ, съ чортомъ не вяжися,
Въ міръ заоблачный не рвись,
Только выгодѣ-богинѣ
Ты безъ устали молись.

Не бѣда, что тяжкимъ смрадомъ
Отъ души твоей несетъ,

Что холопствомъ и позоромъ
Отъ нея лишь отдаетъ,

Coram populo тѣмъ паче
Ты громи порочный свѣтъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Не гонись за идеаломъ,
Не носись ты въ облакахъ,
А ищи въ вседневной жизни
Лишь однихъ *реальныхъ* благъ.

Если жаждешь ты богатства,
Склоненъ къ роскоши дарамъ,
Дважды два-четыре—богъ твой,
Ты ему кури ѳимьямъ.

Днесь владыка міру—деньги,
Это ты не забывай,
И за яркій блескъ червонцевъ,
Не колеблясь, все отдай.

Пусть въ груди замолкнетъ совѣсть,
Пусть стыда исчезнетъ слѣдъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Духомъ злобнымъ вольнодумства
Ни на мигъ не увлеченъ,
Ложной той мечтой-химерой
Ты не будешь обольщенъ:

Будто честные лохмотья,
Не позорятъ бѣдный людъ,
Не клеймитъ его вседневный
Непомѣрно-тяжкій трудъ.

Слово вѣское—(поддержка
Всѣхъ основъ)—оно гласитъ:
Стоишь столько ты, посколько
У тебя карманъ набитъ.

Вникни въ мудрость этихъ правилъ,
Ихъ держаться дай обѣтъ,
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

КАРДУЧЧИ.

Съ итальянскаго.

Разговоръ съ деревьями.

Ты, межъ долинъ, на склонѣ скалъ, ущелій недоступныхъ
Растущій дубъ, — нѣтъ, не люблю твоихъ вѣтвей прекрасныхъ:
Тобой вѣнчаютъ ихъ, завоевателей преступныхъ,
Безумныхъ разорителей селъ, городовъ несчастныхъ.
Безплодный лавръ, и предъ твоей зеленою красой
Я преклоняться не могу: ты лжешь и оскорбляешь,
Роняешь позднiй листъ надъ мраморной плитой,
Иль Рима императоровъ чело ты украшаешь.
Люблю тебя, веселый виноградъ; межъ темными камнями
Смѣешься гроздьемъ сладкимъ мнѣ, готовишь, созрѣвая,
Отдохновеніе отъ жизни пошлости и скуки.
Но лучше всѣхъ сосна: межъ четырьмя ее досками,
Въ гробу безмолвномъ, наконецъ, затихнутъ, угасая,
Желаній смутныхъ рой, пытливой мысли бредъ и муки.

На перенесеніе останковъ Уго Фосколо въ Санта Кроче во Флоренцію.

„Поэтъ,—въ стихахъ безсмертныхъ воскресившій
Эллады древній духъ и плачъ Петрарки
Со словомъ огненнымъ соединившій,—
Ждетъ славы храмъ тебя... вступи подъ арки
Его, гдѣ тѣ почіютъ одиноко,
Которыхъ чтутъ на родинѣ высоко;
Средь усыпальницъ лаврами увѣнчанныхъ отцовъ
Пѣвецъ свободы, здѣсь пріютъ и для тебя готовъ!

Кто,—сердцемъ чистъ, себя отдалъ всецѣло
Служенью музъ, для истины суровой
Презрѣлъ тирановъ, чернь, судьбу, и смѣло
Изъ нѣдръ души свѣтъ яркій жизни новой
Пролилъ на свой народъ,—тотъ, правды воинъ,
Здѣсь, въ Santa Croce, воспріять достоинъ
Почетъ посмертный,—вѣчнымъ сномъ здѣсь спать онъ заслужилъ,
Средь предковъ доблестныхъ, подъ сѣнью славныхъ ихъ могилъ!..

Быть можетъ, духъ твой живъ, поэтъ,—витаешь
Въ поляхъ ты Елисейскихъ, гдѣ подъ кущей
Зеленыхъ миртъ Алкида ты встрѣчаешь,
И съ Данте рѣчь ведешь въ тиши цвѣтущей,
И Сафо, вся сіяя красотою,
Тамъ о любви бесѣдуетъ съ тобою!..
Оттуда легкой тѣнью, можетъ быть, слетая къ намъ,
Ты внемлешь нашимъ, слезамъ, гимнамъ, искреннимъ
хваламъ?..

Иль, можетъ, атомъ жизни, подчиняясь
Законамъ бытія, ты вновь съ вселенной
Слился, и въ ней живешь, а мы, склоняясь
Во прахъ предъ мысли красотой нетлѣнной,
Молясь тебѣ, тѣмъ самымъ прославляемъ
Ее, людскую душу,—величаемъ
Ту искру божества, что всѣ вѣка вершитъ собой...
Могила—камень для рабовъ, для насъ—алтарь святой...

Но есть ли въ мірѣ мраморъ погребальный,
Который могъ служить поэту платой
За сердца скорбь, за боль души печальной?..
О вы, надъ чьимъ челомъ еще крылатый
Витаетъ жизни сонъ, пусть здѣсь желанье
Испить изъ чаши славы и страданья,
Прожжетъ вамъ грудь... О, молодежь, возвысься духомъ,
ницъ
Склонившись предъ святыней чтимыхъ родиной гробницъ!

Ужъ лучше, правды ради, крестъ тяжелый
Нести, изведать горечь всю мученья,
Чѣмъ съ низкимъ людомъ пиръ дѣлить веселый;
Почетнѣй жизнь влачить въ тѣни забвенья,
Чѣмъ за вѣнокъ, позоря честь и чувство,
Забыть свой идеалъ, продать искусство!
Смотрѣть въ лицо грозѣ ужъ лучше съ высоты вершинъ,
Чѣмъ блеять овцами на тучныхъ пастбищахъ долинъ!..

Съ страной окрѣпшей не росли стремленья,
Не крѣпли души. Стало шире поле,
А узкій умъ все тѣ-жъ хранитъ влеченья,
Не смотритъ въ высь, не ищетъ лучшей доли...
Героевъ нѣтъ... Почили всѣ... Ехидно
Осклабясь, горбъ свой обнаживъ безстыдно,—
Кого теперь страшиться?—подымается Терситъ...
Бахвалясь, наглый шутъ Аякса мертваго громитъ!

Гдѣ мысли свѣтъ, Италіей пролитый
На міръ,—зари ея гдѣ обновленье,
Вѣнокъ любви, весь звѣздами увитый?
Гремятъ слова, но мелки и смиренья
Полны дѣла. Увы, увы, съ слѣдами
Цѣпей на тѣлѣ и въ душѣ рабами
Умомъ и помысломъ—наврядъ теперь мы воскресимъ
И Капитолій древній, и вѣнчанный славой Римъ?

Страна великихъ предковъ, что готовитъ
Тебѣ судьба? Но если прежде жившихъ
Ихъ мелкій, жалкій родъ такъ мало стоитъ,
Къ чему-жъ тогда, друзья, на прахъ почившихъ
Намъ ставить мраморъ?.. О, разлейтесь, рѣки,
О, море, подымись и затопи на вѣки
Прибрежіе кругомъ, а вы вулканы Апеннинъ
Господней карой гряньте на красу родныхъ долинъ!“

Pianto antico.

Вотъ гранатъ высокій, стройный;
Къ сочнымъ ты его плодамъ
Дѣтской ручкою тянулась
И къ пурпуровымъ цвѣтамъ.

Онъ въ саду осиротѣломъ
Пышно вновь зазеленѣлъ—
Свѣтлый, теплый май роскошно
Въ цвѣтъ и листъ его одѣлъ.

Ты-жъ, измученнаго сердца
Радость вся, единый свѣтъ,
Ты, въ больной, разбитой жизни
Мой послѣдній лучшій цвѣтъ,

Ты лежишь въ землѣ холодной,
И весна тебя ужъ вновь
Не согрѣетъ,—не разбудитъ
Никогда моя любовь!

Ballata dolorosa.

Видъ чернаго крепа мнѣ сердце гнететъ,
И дума о смерти встаетъ предо мной
Но скорбная дума меня не влечетъ
На кладбище, слѣдомъ за людной толпой—

Мнѣ кладбище—міръ весь: смѣется-ль весна,
Сіяетъ ли солнце съ лазурныхъ высотъ,
Дробится-ль о скалы морская волна
И звѣздами блещетъ ночной небосводъ.

Мнѣ кладбище—міръ весь: подъ шопотъ ли розъ
Родится ли утро, иль солнечнымъ днемъ
Смѣются мнѣ гроздья янтарныя лозъ,
И счастье, и радость разлиты кругомъ...

Мнѣ кладбище—міръ весь. Недвижный, нѣмой,
Встаетъ блѣдный обликъ въ гробу и въ цвѣтахъ
Подъ флёромъ сребристымъ, вездѣ предо мной,
И меркнетъ весь міръ въ моихъ скорбныхъ очахъ!..

На пятую годовщину битвы при Ментанѣ.

День, что каждый годъ намъ возвращаетъ
Память битвы роковой,
День Ментаны снова разсвѣтаетъ
Надъ родимою страной.
Поле вздрогнуло, въ лугахъ окрестныхъ
Клики шумные идутъ;
Изъ могилъ глубокихъ, темныхъ, тѣсныхъ,
Всѣ убитые встаютъ.

Но встаютъ не страшные скелеты,—
Нѣтъ, прекрасны и статны,
Легкимъ, свѣтлымъ облакомъ одѣты,
Блескомъ звѣздъ озарены.
Воздухъ ихъ съ любовью окружаетъ,
Тихо вѣтеръ шелеститъ,
Сладко шепчетъ, нѣжитъ и ласкаетъ,
Дивной музыкой звучитъ.

„Наши матери не спятъ, горюютъ,
Вспоминая сыновей;
Жены плачутъ, о мужьяхъ тоскуютъ,
Не сомкнутъ всю ночь очей.

Мы же сонъ стряхаемъ безконечный,
  О, родимая земля,
Чтобъ тебѣ нести привѣтъ сердечный,
  Любоваться на тебя.

„Дорогой, богатый плащъ, бывало
  Рыцарь радостно снималъ,
На тропинкѣ, въ грязь чтобъ не ступала,
  Передъ милою бросалъ;
Такъ тебѣ, отчизна, мы бросали
  Души гордыя свои,
„Для тебя мы жили, умирали...
  А ужъ насъ забыла ты.

„Для другихъ любовь твоя сіяетъ,
  Ты другимъ даешь вѣнки;
Но нашъ пылъ въ гробу не угасаетъ,
  Чувства прежнія крѣпки,
И сбылось завѣтное желанье:
  Возвращенъ Италья Римъ!..
Вмѣстѣ всѣ на праздникъ, ликованье
  Соберемся мы надъ нимъ!“

Той порой, что тучей пролетаетъ
  Мертвыхъ тихая толпа,
Долгій, странный трепетъ проникаетъ
  Итальянскія сердца.

8

Меркнетъ блескъ и шелестъ утихаетъ,
  Стройно все молчитъ вокругъ,—
Квириналъ одинъ лишь повторяетъ
  Гулъ глухой, протяжный звукъ.

Но наживы легкой и позорной
  Проповѣдники-дѣльцы,
Что съ собой духъ алчности тлетворной
  Въ городъ Гракховъ принесли,
Говорятъ: „Пускай глупецъ мечтаетъ,
  Мы межъ тѣмъ карманъ набьемъ,
А тамъ пусть весь міръ хоть пропадаетъ,—
Есть печалиться о чемъ!“

«Panteismo».

Отъ тебя все скрылъ я, солнце золотое;
И отъ васъ я, звѣзды, все ревниво скрылъ;
И любимой имя—имя мнѣ святое—
Я въ груди безмолвной, словно кладъ, хранилъ.

А про эту тайну, на небѣ сверкая,
Звѣзды звѣздамъ шепчутъ въ темнотѣ ночной;
И, въ волнахъ пурпурныхъ тихо угасая,
Вторитъ солнце звѣздамъ, говоря съ луной.

На холмахъ тѣнистыхъ и въ равнинѣ дальней
Шелестятъ о томъ же всѣ кусты, цвѣты,
И щебечутъ птицы: „О, пѣвецъ печальный,
Сладкихъ чаръ отвѣдалъ, наконецъ, и ты!"

Все я скрылъ—а слышу, имя незабвенной
Прославляетъ громко цѣлый Божій свѣтъ.
Изъ цвѣтковъ акацій голосъ мнѣ вселенной
Шепчетъ: „Да, ты любишь и любимъ, поэтъ!"

Congedo.

Въ пиръ жизненный вступая,
О, чернь тупая,
Поэтъ не лизоблюдъ на немъ,
Онъ сыплетъ прибаутки,
Стихи и шутки
Не изъ-за мѣста за столомъ.

Онъ не бездѣльникъ тоже,
Съ ночного ложа
Встающій небо лишь коптитъ,
Шнырять въ гостиныхъ, мостовую,
Напропалую
Безъ толку день деньской гранить.

Онъ не садовникъ, дѣло
Свое умѣло
Ведущій, всюду по грядамъ
Капусту разсадившій,
И усладившій
Ковромъ фіалокъ зрѣнье дамъ,

Поэтъ—кузнецъ могучій...
Работой жгучей

Себя онъ закалить сумѣлъ;
Глядитъ бойцомъ, торсъ голый,
   Съ лица веселый,
Рука крѣпка, взглядъ гордъ и смѣлъ.

Едва хоръ птицъ проснулся,
И улыбнулся
Зари лучъ первый надъ холмомъ,
   Огонь онъ раздуваетъ,
Въ тактъ выбиваетъ
По наковальнѣ молоткомъ.

Сверкаетъ пламя, блещетъ,
   Горитъ, трепещетъ
И сыплетъ искры тутъ и тамъ;
Огонь реветъ и свищетъ,
   Какъ будто ищетъ
Исходъ желанный къ небесамъ.

Единый Богъ лишь знаетъ,
Что заключаетъ
Въ себѣ плавъ жгучій въ тотъ моментъ;
Кузнецъ его мѣшаетъ,
Въ него бросаетъ
Любви и мысли элементъ,

И старины преданья,
   И предсказанья

О предстоящихъ дняхъ—
Бросаетъ онъ въ горнило
Что сердцу мило,
Въ его таится глубинахъ.

Плавъ раскаленный въ дѣло
Затѣмъ онъ смѣло
Беретъ и съ пѣснею куетъ,
И на его работу
Льетъ позолоту
Лучъ солнца съ радостныхъ высотъ.

Куетъ онъ—и народы
Здѣсь для свободы
Найдутъ кольчуги, мечъ, щиты,
Вѣнки побѣдъ и шлемы,
И діадемы,
Во славу нѣжной красоты...

Куетъ онъ украшенья
И подношенья
Въ узорахъ рѣдкихъ на пиры.
Для алтарей, для вѣры,
Куетъ безъ мѣры,
Безъ счета чудные дары.

Себѣ-жъ онъ выдѣляетъ
И оставляетъ

Стрѣлу изъ золота; шутя
Ее онъ вверхъ бросаетъ,
Она сверкаетъ,
Блеститъ—и радъ онъ, какъ дитя.

ИЗЪ АДА НЕГРИ.

Кто страдалъ, и кровью сердца
Истекая,—кто творитъ,—
Одному тому лишь славы
Солнце яркое горитъ...
И даетъ печаль лишь мысли
Высшій, царственный полетъ,—
Кто въ борьбѣ шелъ неуклонно,
Лишь того побѣда ждетъ.

Voce notturno.

Слышу,—трепещетъ, звенитъ въ отдаленьи
Женщины голосъ—серебристый и сладкій—
Изъ-за цвѣтущихъ акацій украдкой,
Тихо доносится дивное пѣнье.

О, незнакомка подъ небомъ безбрежнымъ,
Сердце, звучащее въ мракѣ ночномъ!
Словно куреньемъ душистымъ и нѣжнымъ,
Пѣснѣ кадятъ твоей рощи кругомъ.

Кто ты? Грѣшила-ль? Знавала-ль страданье?
Горечь извѣдала-ль жизни безплодной?
Жажду познала-ль пустыни безводной?
Пытку послѣднихъ, предсмертныхъ лобзаній?

Что же роднитъ съ моимъ духомъ мятежнымъ
Духъ твой въ какомъ-то порывѣ святомъ,
О, незнакомка подъ небомъ безбрежнымъ,
Сердце, звучащее въ мракѣ ночномъ?

«Здравствуй, нищета».

— Кто-то тамъ стучится въ дверь мою?..
„Нищета".—И вотъ, вошла она.
Но предъ ней безстрашно я стою.
Взглядъ, что ножъ, беззубый ротъ, черна...
Призракъ злой, костлявою рукой
Не грози... Смѣюсь я надъ тобой...

Не уходишь ты?.. Ну, что жъ, иди
Ближе, гость незванный,—вырывай
Цвѣтъ надежды изъ моей груди,
Сердце рви на части, простирай
Дерзко руку даже на кровать,
Гдѣ больная гаснетъ моя мать...

Злѣй и злѣй ты стала? Весь твой ядъ
Ни къ чему... Владѣю кладомъ я:
Жизнь и юность мой безцѣнный кладъ!..
Сѣй одни обломки вкругъ меня,—
И надъ ними вспыхнетъ ярко свѣтъ
Бодрыхъ, смѣлыхъ моихъ юныхъ лѣтъ.

Той отваги, что въ груди моей
Бьетъ ключемъ,—не въ силахъ ты отнять;
Крыльевъ тѣхъ, что мощію своей
Въ высь уносятъ,—не тебѣ сорвать;
Нѣтъ, безсиленъ надо мной твой гнетъ,
Неуклонно я иду впередъ!

Вотъ взгляни, какъ въ Божьемъ мірѣ тамъ
Солнце свѣтитъ, розъ краса цвѣтетъ,
Рѣютъ ласточки къ лазурнымъ небесамъ,
Какъ заря пурпурная встаетъ,
И побѣдно, изъ-за темныхъ тучъ,
Свѣтитъ мысли животворный лучъ!

Мрака духъ, ты тщетно вновь и вновь
Стрѣлы въ грудь вонзаешь мнѣ,—течетъ
Въ жилахъ у меня живая кровь,
Вышла изъ народа я,—и вотъ
Всѣ кручины подъ ноги топчу
И зарѣ навстрѣчу я иду.

Жажду я труда,—онъ трижды святъ,
Онъ возноситъ и равняетъ всѣхъ!..
Жажду бурныхъ наслажденій рядъ,
Ласкъ безумныхъ и любви утѣхъ,
Жажду славы, аромата розъ,
Блеска звѣздъ, лазурныхъ, райскихъ грезъ!

Ты жъ, мегера, исчезай скорѣй,
Словно тѣнь на солнцѣ, сгинь вдали...
Ожилъ міръ, кругомъ теплѣй, свѣтлѣй,
Средь колючекъ розы расцвѣли...
Сбросивъ гнетъ твой, гордо я стою,
Жизни пѣсню радостно пою!

Весенняя пѣсня.

О, любовь, любовь! Ты ярко блещешь
Въ солнца жгучихъ, радостныхъ лучахъ,
И въ порывахъ вѣтра ты трепещешь,
Дышешь ты въ фіалки лепесткахъ,—
Этой первой вѣстницы тепла.

Жизни токъ ты властно разливаешь
По былинкамъ,—съ соловьемъ поешь,
Средь милліоновъ атомовъ летаешь,
Вѣкъ за вѣкомъ смѣло раздаешь,
Ангелъ жизни, свѣтъ ты всѣмъ мірамъ.

О, любовь, любовь! Тебѣ я внемлю
Въ яркомъ, свѣтломъ праздникѣ весны...
Розы—даръ твой; сыплешь ты на землю
Поцѣлуи, радужные сны...
Но въ моемъ ты сердцѣ умерла...

«Spes».

Когда печаль, что тысячью мечами
Намъ грудь пронзитъ,
Душа взмахнетъ могучими крылами
И въ высь летитъ!

Такъ гордо раненый орелъ взлетаетъ
На глетчеръ тотъ,
Гдѣ тишь отъ вѣка, гдѣ не таетъ
Отъ вѣка ледъ.

И пусть больное сердце отрицаетъ,
Клянетъ любовь,
Въ глуби, тайкомъ,—ее же призываетъ
Все вновь и вновь!..

«Te solo».

Ты здѣсь одинъ? О, милый, дай
Мнѣ предъ тобой излить рыданья,
Что столько лѣтъ тѣснили грудь,
Боль сердца, скрытыя желанья—
Я слезъ хочу!

Въ твоихъ объятьяхъ отдыхъ дай,
Усталой, мнѣ... Такъ въ зной склоняетъ
Свой стебель роза—подъ крыло
Головку птичка прижимаетъ—
Покоя я хочу.

Къ твоимъ устамъ, о милый, дай,
Прильнуть мнѣ трепетно устами,
Дай слово молвить, что въ чаду,
На мигъ равняетъ насъ съ богами—
Любви хочу я.

«Senza ritmo»

Притворены двери гостиной
И сумракъ глубокій стоитъ въ ней.
Подъ блѣдными пальцами, Ниче, твоими
Ожившія клавиши тихо рыдаютъ.
Сама ты, вся въ бѣломъ, похожа
На призракъ... Играй!..

О, бѣдная, блѣдная, знаю я, скоро умрешь ты.
Закашляешь ты—и отъ губъ отнимаешь
Платокъ, весь запятнанный розовой кровью!..
Сидишь ты теперь за роялью и молча играешь...
Не вижу лица твоего я,—не вижу
Задумчивыхъ глазъ тѣхъ, въ которыхъ
Такъ много желанія ласки, въ которыхъ какъ будто
Слеза безпрерывно дрожитъ и сверкаетъ...
Лишь бѣлое платье я вижу,
Я вижу лишь длинныя, свѣтлыя косы,
И слышу я душу,
Твою слышу душу, о, Ниче, я въ трепетныхъ звукахъ...

Играешь Бетховена ты... Когда создавалъ онъ
Свои величавые, дивные звуки,
Тебя и меня еще не было, Ниче,

Тогда и на свѣтѣ. Но то, что художникъ
Въ священномъ порывѣ творитъ,—упивается
Міръ тѣмъ, и въ плоть свою, кровь свою то превращаетъ.
Яснѣе всѣхъ словъ, этой музыки звуки
Открыли намъ тайныя чувства, что сердце
Волнуютъ и мнѣ, и тебѣ, намъ обѣимъ...
Играй!..

Аккорды глухіе о томъ намъ вѣщаютъ,
Что недугъ безжалостно, зло и незримо
Прекрасное тѣло твое разрушаетъ.
Аккорды глухіе о томъ намъ вѣщаютъ,
Что борется юность твоя и не хочетъ
Добычей стать смерти... Аккорды вѣщаютъ
О томъ, что жена ты и мать, что малютка
Твой милый лепечетъ ужъ первыя рѣчи...
И что для него, для него ты такъ страстно
Хотѣла бы жить!..

Аккорды глухіе еще намъ вѣщаютъ
О томъ, что изъ жизни ужъ скоро уйдешь ты,
Такъ много любви въ ней навѣки покинувъ,—
А я жить останусь, любви никогда не извѣдавъ...
О, Ниче, лѣтъ двадцать, лѣтъ тридцать, быть можетъ,
Придется влачить неприглядные, сѣрые дни мнѣ
Одной-одинокой!..
Но, если нужна для любви ты, живи же
И дай, неоплаканной, мнѣ умереть!..

Ты молча сидишь, отъ меня отвернувшись...
Не вижу лица твоего я,—не вижу
Задумчивыхъ глазъ тѣхъ, въ которыхъ
Такъ много желанія ласки, въ которыхъ какъ будто
Слеза безпрерывно дрожитъ и сверкаетъ...
Я падаю ницъ предъ тобой и цѣлую,
Земная, тебѣ я, небесной,—
Край бѣлаго платья,—тебѣ, что ужъ завтра
Покинешь нашъ міръ..
И громко аккорды глухіе вѣщаютъ:
„О, ты, что останешься жить и такъ страстно
„Любовь призываешь,—не медли, не медли,—
„Люби...

„Люби всѣхъ, кто страждетъ, надежды не зная...
„Сама одинокая, слабая,—сильной
„И мощной ты станешь для всѣхъ одинокихъ,
„Покинутыхъ, слабыхъ...
„И такъ проживешь ты,
„Что, прежде чѣмъ бренное тѣло
„Въ могилу опустятъ,—въ душѣ твоей будетъ сознанье,
„Что въ жизни на части живыя она раздѣлилась,
„Что атомовъ свѣтлыхъ милльоны отъ нихъ исходило,
„И атомы эти любви поцѣлуями стали
„Для душъ одинокихъ и плачущихъ въ жизни.
„Люби,—вѣдь любовь оттого безконечна,
„Что скорбь безконечна, что нѣтъ ей конца!..“

Un anno dopo.

„Когда я вспомню въ часъ ночной,
Въ глухой часъ тьмы,—въ какой ты дали,
И овладѣетъ трепетъ мной
При мысли: видно для печали,
А не на радость мнѣ любовь дана,
И лишь несчастье мнѣ несетъ она,—

Когда мнѣ грудь пронзитъ испугъ,
Безумный страхъ ее сжимаетъ,
Что можешь не вернуться вдругъ
И что всему конецъ бываетъ,
И я жила любовію своей
Лишь для того, чтобы не быть твоей,

Тогда, какъ пламя, всю меня
Охватитъ жалость безъ предѣла
Къ тебѣ, къ себѣ... И страстно я
Ребенкомъ быть бы вновь хотѣла,
Чтобъ ту молитву кротко повторить,
Что въ дѣтствѣ мать учила насъ твердить.

И на колѣни, внѣ себя,
Смиряя сердце молодое,
Бросаюсь у постели я,
Холодной, какъ гнѣздо пустое,
И громко шлю, взволнованно, въ слезахъ,
Крикъ „Отче Нашъ!“ Творцу я въ небесахъ“.

И все-жъ таки я измѣню тебѣ!

И все-жъ таки я измѣню тебѣ... Въ тотъ часъ
Когда земля и море укутаны
Ночною тьмой,—
Ко мнѣ придетъ съ горящими очами,—
Чтобъ сжечь чело своими мнѣ устами,—
Онъ,—демонъ мой!

И я,—волнуясь вся, блѣднѣя, трепеща,
Немедленно тогда съ своей постели
Къ нему сойду
И въ мракѣ темной ночи за надменнымъ
За нимъ,—за властелиномъ вдохновеннымъ,—
Я вслѣдъ пойду.

И будетъ внятно мнѣ нашептывать все вновь
Слова священныя, слова живыя,
Онъ, демонъ мой,
И изъ груди моей, изъ сердца вырываясь
И смѣло съ безконечностью встрѣчаясь,
Повитой тьмой,

Свободно, широко польются пѣсни тѣ,
Что мнѣ шепталъ мой демонъ вдохновенный
Все вновь и вновь,
Тѣ пѣсни, что рыдаютъ такъ безумно,
Увидя смерть,—и такъ ликуютъ шумно,
Узрѣвъ любовь.

Тѣ пѣсни, что надъ грохотомъ людскихъ скорбей
О жалости и о надеждѣ пылко,
Всѣмъ намъ твердятъ,
И настежь дверь въ міръ правды, возрожденья,
Труда и думъ, любви и примиренья,
Открыть хотятъ.

Тѣ пѣсни вѣдаютъ что всѣ грѣхи, мечты,—
Со всѣхъ обмановъ мишуру срываютъ
И блескъ завѣсъ,
Что сотканы изъ волнъ потоковъ бурныхъ,
Изъ розъ душистыхъ, и изъ струй лазурныхъ
Святыхъ небесъ!

О, не ревнуй меня, дай насладиться мнѣ
Ты часомъ творчества, его извѣдать
Дай благодать
Вполнѣ,—и не усчитывай мгновеній
Безумной радости, которыхъ геній
Лишь властенъ дать!

Въ твои объятія затѣмъ вернусь опять,
Влюбленная,—и буду, еще блѣднѣй
Изъ-подъ моихъ
Распущенныхъ волосъ,—я въ упоеньи
И трепетномъ и сладостномъ волненьи
Ждать ласкъ твоихъ.

Мое чело—лишь вдохновеніе одно
Осмѣлилось побѣдными устами
Къ нему прильнуть,
Огнемъ святымъ его сжигая—
Я, какъ ребенокъ, спрячу, засыпая,
Тебѣ на грудь!

Туманы.

Мнѣ скучно!—Надъ долиною
Встаютъ туманы сонные;
Надъ нею наклоненные,
Висятъ.

Вороны громко каркаютъ,
И птицы вслѣдъ за птицею
Густою вереницею
Летятъ.

Завыли вѣтры буйные,—
Деревья обнаженныя,
Листвой незащищенныя,
Грустятъ.

Одна я... Мнѣ такъ холодно...
По небу тучи носятся,
И мертвыхъ зовъ проносится:
—„Идемъ!"—

Зовутъ они такъ ласково:
„Идемъ!—дорога дальняя!..
Забытая, печальная,—
Идемъ!"—

Ночь.

Сгустилися тѣни ночныя,
Окутали въ черный покровъ
Причудливый садъ, напоенный
Дыханьемъ цвѣтовъ.

Но чудится, чьи то печали
И думы разлиты кругомъ,
И носится трепетъ незримый
Въ безмолвьи ночномъ.

Гарденіямъ блѣднымъ и розамъ
Печальное что-то твердитъ
Тьма черная... Словно могилой,
Могилой грозитъ.

Быть-можетъ... Не даромъ вѣдь льется
Прозрачною, свѣтлой слезой
Въ закрытыя чашечки влага
Обильной росой...

Быть можетъ, надъ тяжкою долей,
Надъ быстро увядшей мечтой,

Надъ радости бѣглымъ мгновеньемъ,
Вѣнчаннымъ тоской,

Надъ призракомъ счастья, смѣненнымъ
Безвыходной скорбью (помочь
Которой нѣтъ силы) льетъ слезы
Безмолвная ночь.

«Бѣжитъ волна».

Межъ скалъ береговыхъ шумливой чередою
Бѣжитъ волна и плачетъ. Внимаетъ молча ей
Свинцовый сводъ небесъ, объятый тишиною,
Безстрастный и нѣмой среди ночныхъ тѣней.

Бѣжитъ волна и плачетъ. Несетъ она безгласный
Недвижный, блѣдный трупъ на лонѣ темныхъ водъ,—
Самоубійцы трупъ,—и юной и прекрасной.
Волнуясь и скорбя, она его несетъ...

Бѣжитъ волна и плачетъ. Въ ея глухомъ стенаньѣ
Таится отзвукъ мукъ и безутѣшныхъ слезъ;
Таится въ плачѣ волнъ безумный вопль страданья
Осмѣянной любви, разбитыхъ, чистыхъ грезъ.

На свадьбу сестры Паолины.

(Изъ Леопарди).

Бросаешь ты пріютъ гнѣзда родного,
Былые сны свои, мечты былыя,
Даръ неба—скрасившій въ твоихъ глазахъ
Далекій этотъ, столь пустынный берегъ—
Влечетъ теперь твоя судьба тебя
Въ пылъ жизни, въ шумъ ея. Такъ знай-же,
Сестра моя, ниспосланъ вѣкъ позорный
Жестокимъ небомъ намъ. И ты, живя
Въ тяжелые и горестные дни,
Своимъ потомствомъ родины несчастной
Умножишь лишь несчастную семью.
Дѣтей своихъ на доблестныхъ примѣрахъ
Взрости... Зефировъ и лазури ясной
Лишаетъ рокъ презрѣнный добродѣтель
Людскую,—а въ пугливомъ сердцѣ мѣста
Нѣтъ помысламъ высокимъ, свѣтлымъ. Будутъ
Сыны твои несчастные, иль трусы...
Несчастными они пусть лучше будутъ!
Межъ доблестью и счастьемъ—нравы наши,
Давно вражду безмѣрную вселили...
Увы! для свѣтлыхъ подвиговъ вступаемъ
Мы слишкомъ поздно въ міръ: онъ на закатѣ...

Но это дѣло неба... Ты-жъ храни
Въ груди своей превыше всѣхъ заботу,
Чтобъ не росли поклонниками счастья
Твои сыны; не стали бы игрушкой
Надеждъ иль страха низкаго. Тогда
Грядущій вѣкъ высоко васъ поставитъ.
Таковъ уже обычай лицемѣрный
И косный нашъ: мы доблестныхъ людей
При жизни ихъ злорадно унижаемъ;
Умрутъ они: ихъ чтимъ и прославляемъ.

О женщины, взываетъ къ вамъ отчизна:
Дано вамъ нѣжнымъ взглядомъ глазъ прекрасныхъ
Огонь и мечъ повсюду покорять
На благо—не въ насмѣшку иль во вредъ
Людскому роду. Мудрецы, герои
Къ вамъ сами въ плѣнъ идутъ—и вы вездѣ,
Гдѣ только свѣтитъ солнце, всемогущи—
Такъ дайте-жъ мнѣ отчетъ о нашемъ бытѣ,—
Вы-ль гасите своей рукою пламя,
Святое пламя юности? И порча
Природы нашей вольной—ваше дѣло?
Умы заснувшіе и равнодушье,
И слабость нашей воли, вялость чувства,
Страхъ низкій нашъ, всему виною вы?
Любовь—коль искренна она—должна бы
Всегда на подвигъ насъ будить, она, должна бы
Вселять въ насъ духъ высокій красота.

Тому невѣдома любовь, чье сердце
Въ груди его отвагой не забьется,
Когда кругомъ завоютъ грозно вѣтры,
Обложатъ небо тучи, грянетъ буря,
И громъ ударитъ въ скалы горъ!.. О жены!
О дѣвы юныя! Коль въ вашемъ сердцѣ
Любовь горитъ къ мужчинамъ, а не къ бабамъ,
Дряннымъ, трусливымъ,—ненависть, презрѣнье
Должны-бъ питать вы къ тѣмъ, кто малодушно
Дрожитъ, бѣжитъ, врагамъ своимъ сдается,
Кто дорогой отчизны недостоинъ,
Чьи низменны стремленья и желанья!

Стыдитесь называться матерями
Потомства жалкаго! Учите чадъ своихъ
Сносить безтрепетно страданье, горе,
— Удѣлъ обычный всѣхъ высокъ кто духомъ!
А то, что вѣкъ позорный чтитъ и цѣнитъ,
Учите осуждать ихъ, презирать.
Пускай для родины, для дѣлъ великихъ
Они растутъ, и твердо помнятъ доблесть
Своихъ отцовъ, ихъ преданность отчизнѣ.
Такъ средь сказаній подвиговъ геройскихъ
Росли спартанцы юные, супругу
Пока жена мечъ вѣрный не вручала,
Когда онъ въ битву шелъ за край родимый,
И если онъ изъ битвы возвращался
Къ ней въ домъ нагимъ и бездыханнымъ трупомъ,

Но на щитѣ, имъ храбро сохраненномъ,
Своихъ кудрей душистою волною
Она его любовно прикрывала.

Цвѣла, Виргинія, всесильной, дивной
Красою ты, и былъ твоимъ презрѣньемъ
Безумно уязвленъ властитель Рима...
Ключъ жизни билъ въ тебѣ, и къ сладкимъ, нѣжнымъ
Мечтамъ тебя манилъ твой юный возрастъ,
Когда отецъ въ грудь, мрамора бѣлѣе,
Тебѣ вонзилъ сталь острую, и ты
Къ тѣнямъ сошла въ Эребъ, по доброй волѣ.
„Пусть лучше старость",—такъ ты говорила,—
„Мнѣ тѣло рушитъ, безобразитъ,—тотчасъ
„Откроетъ пасть свою могила,—только-бъ
„Избѣгнуть ложа гнуснаго тирана!
„И если можетъ Риму жизнь и силу
„Дать смерть моя—убей меня, отецъ!"

О ты, великая! Хоть солнце краше
Сіяло въ дни твои, чѣмъ свѣтитъ нынѣ,
Но спишь спокойно ты въ своей могилѣ—
Ее слезами чтитъ твоя отчизна...
Твой юный трупъ увидя, местью ярой
Вскипѣлъ народъ весь римскій и мгновенно
Глава тирана съ плечъ его скатилась,—
Въ сердцахъ заснувшихъ разгорѣлся снова
Огонь свободы... И латинскій Марсъ

Побѣдный станъ раскинулъ на пространствѣ
Отъ странъ полярныхъ, отдаленныхъ, мрачныхъ,
До яркихъ, южныхъ знойныхъ, береговъ!..

О, если бъ Римъ, глубоко погруженный
Въ позорный сонъ, вновь женщина геройски
Сумѣла бы встряхнуть и воскресить!!

ИЗЪ ГЕРВЕГА.

I.

«Полночный дозоръ.

Полночи духъ и я—мы ходимъ взадъ, впередъ
По улицамъ пустымъ... Еще недавно слезы
Текли здѣсь, смѣхъ звучалъ, сновалъ вездѣ народъ—
Теперь же сонъ царитъ, владычествуютъ грезы.
Веселья шумнаго не пѣнится бокалъ,
Какъ вянетъ цвѣтъ полей отъ вѣтра дуновенья,
Завяла радость здѣсь—скорбь скрылась—міръ усталъ.
О, дайте вы ему отраду сновидѣнья!

Стихаетъ ненависть вся на сердцѣ моемъ,
Лишь только смолкнетъ шумъ дневной, сіянье
Прольетъ съ небесъ луна и скраситъ все кругомъ
Ея сребристый лучъ и чудное мерцанье.
Летая въ вышинѣ, неслышно, какъ звѣзда,
Легко, какъ тѣнь, какъ звукъ, какъ вѣтра дуновенье—
Хотѣлъ бы я душой проникнуть и туда,
Въ мечты людей, въ тайникъ ихъ думъ и сновидѣнья!

За мною тѣнь моя крадется, какъ шпіонъ,
Недвижно я стою здѣсь предъ тюрьмы стѣною,

Твой сынъ, о родина, сынъ вѣрный, платитъ онъ
За грѣхъ любви къ тебѣ тяжелою цѣною!
Но, можетъ, хоть во снѣ оковы не гнетутъ,
Во снѣ хоть видитъ онъ отчизны избавленье,
И, можетъ быть, вѣнокъ друзья ему несутъ...
Продли, свободы богъ, его ты сновидѣнья!

А вотъ дворецъ тамъ, гордый, пышный;—въ очи мнѣ
Сквозь бархатъ занавѣсъ, бьетъ грустная картина:
Какъ спѣшно тамъ за мечъ хватаются во снѣ,
Какъ дикій гнѣвъ горитъ во взорахъ властелина!
Печать грѣха на немъ, безуміемъ гонимъ,
Велитъ сѣдлать коней онъ, о земь въ изступленьи
Бросается,—и вдругъ все рушится подъ нимъ!..
Богъ мести, о продли ты злобныхъ сновидѣнья!

Поодаль хижина,—бѣдна она, мала,
Гнѣздятся голодъ въ ней, нужда,—но сновидѣнья
Шлетъ Богъ крестьянину, чтобы хоть ночь дала
Отъ мукъ дневныхъ ему мигъ краткій избавленья.
Во снѣ просторъ полей, ширь бархатныхъ луговъ,
Колышущихся нивъ встаютъ предъ нимъ видѣнья,
Нигдѣ нѣтъ нищеты—у всѣхъ свой хлѣбъ, свой кровъ...
Богъ скорби, о продли ты бѣдныхъ сновидѣнья!

Подъ липой на скамьѣ изъ дерна отдохну,
У дома милой я,—здѣсь вѣетъ сладкимъ миромъ.
Люблю тебя, дитя, но не тебя одну,
Свободу я избралъ себѣ своимъ кумиромъ.

Въ сіяющую высь несутъ тебя мечты...
Мнѣ снятся трубный звукъ, борьба и шумъ сраженья,
Тебѣ—лазурь небесъ, весенніе цвѣты...
О, Богъ любви, продли ты милой сновидѣнья!

Вы, звѣзды, изъ за тучъ мерцавшія вдали,
Ты, ночь, съ незримыми, неслышными крылами,
О, еслибъ отъ меня подольше вы могли
Скрыть міра скорбный ликъ, омоченный слезами!
Едва забрезжетъ день, и солнце лишь взойдетъ,
Проснется горе вновь. Отрадныя видѣнья
Спугнетъ тоска, нужда, безправья грубый гнетъ...
Богъ свѣтлыхъ грезъ, продли ты наши сновидѣнья!

II.

Молитва.

Тишь удушливую, Боже,
Грозной бурей разгони
И трагедіей свободы
Рабства фарсъ ты замѣни.

Пусть скорѣй въ краю родимомъ
Знамя свѣтлое взовьется,
За отчизну встанетъ мститель,
Снова въ ней герой проснется!

Уподобь насъ причаститься
Искупленія виномъ,
Вновь воздвинь алтарь, и въ жертву
Всѣ себя мы принесемъ!

Дай за правду постоять намъ,
За свободу дай сразиться,
И всѣмъ сердцемъ, всей душою
Къ счастью родины стремиться!

ИЗЪ ГЕРМАНА ФОНЪ-ФАЛЛЕРСЛЕБЕНА.

(Съ нѣмецкаго).

Осенняя пѣсня китайца.

Мы не дозрѣли?
Вѣками той пѣсней вы насъ усыпляли,
На всѣ то лады намъ ее повторяли,
И ею,—по прежнему, всѣмъ чтобъ ворочать,—
Еще и теперь бы не прочь насъ морочить,
Не прочь бы дурачить и съ толку насъ сбить,
Надежды народа на вѣкъ погубить.

Мы не дозрѣли?
Дозрѣли отвѣдать земного мы счастья,
Отчизну хранить отъ бѣды и ненастья,—
Дозрѣли для жалобъ на наши страданья,
Дозрѣли свои предъявить вамъ желанья,
Дозрѣли васъ съ теплыхъ мѣстечекъ согнать,
Всѣ встать за свободу, ей душу отдать.

Хорошій совѣтникъ.

Готовъ я служить вамъ совѣтомъ,
Но дѣломъ—никакъ мнѣ нельзя:
Отецъ я семейства—при этомъ
Я тайный совѣтникъ, друзья!

Да, то и другое.—Ахъ, тоже
Не мало я горя принялъ,—
Но былъ и останусь все же
Въ душѣ я большой либералъ.

И если бы не былъ встревоженъ
Я мыслею: дѣти, жена,
Быть можетъ, не столь остороженъ,
И я бы пралъ противъ рожна.

Отцомъ же семейства быть—все же,
Вопросъ деликатнѣйшій, братъ,—
А тайнымъ совѣтникомъ... Боже—
Еще деликатнѣй въ стократъ!

Св. Вонифантій.

Говорилъ тевтонамъ Вонифантій,
Вамъ одно всего нужнѣе:
Въ прахъ повергните скорѣе
Вашихъ идоловъ. Топоръ
Взялъ онъ—дубъ святой свалился,
И въ народѣ водворился
Христіанства свѣтъ съ тѣхъ поръ.

Молвилъ такъ тевтонамъ Вонифантій,—
Но и намъ всего нужнѣе
Нашихъ идоловъ скорѣе
Истребить: отъ чьей руки
Грохнетъ рабство, и воспрянетъ
Духъ свободы—стражей встанетъ
Для проснувшейся страны?

Голосъ изъ дальнихъ странъ.

(Изъ Кладсрадача).

Мы, Баду, негровъ повелитель
Мы, Дагомея государь,
Мы, всей страны отъ океана
До Конгскихъ горъ могучій царь,—
Симъ объявляемъ: съ рѣзкой нотой
Въ Европу отбыли гонцы,
Чтобъ вѣсть о нашемъ огорченьѣ
Тамъ разнести во всѣ концы.

Къ намъ, въ Абомэ, въ нашъ городъ стольный,
До трона нашего достигъ,
Изъ странъ далекихъ стонъ народовъ,
Страданьемъ вымученный крикъ.
Узнали мы,—и оказался
Правдивымъ слухъ ужасный тотъ:
Погибло много сотенъ тысячъ
Тамъ жертвъ людскихъ въ минувшій годъ.

Узнали мы: тамъ пало царство;
Какъ спѣлые плоды бананъ,
Въ тѣхъ странахъ головы безъ счета
Валились турокъ, христіанъ,

По волѣ княжеской. Донынѣ
Въ поляхъ разбросаны гніютъ
Еще тѣла; кружась надъ ними,
Ихъ жадно вôроны клюютъ.

Узнали мы: изъ странъ полночныхъ
На дальній югъ войска пошли,
И много доблестныхъ героевъ
Въ чужбинѣ смерть себѣ нашли.
Зачѣмъ? На пользу чью? Къ чему же?—
Невѣдомо осталось намъ.
Молчитъ могила, нѣмы трупы;
Лишь кровь дымится къ небесамъ.

Узнали мы: въ Европѣ спѣшно
Народъ британскій хочетъ вновь
Безчеловѣчно, въ дикихъ битвахъ
Лить человѣческую кровь.
Да будетъ проклятъ духъ захвата!
Да будетъ проклятъ духъ вражды,
Что столько жертвъ людскихъ уноситъ,
Что столькихъ губитъ безъ нужды!

* * *

(Съ нѣмецкаго).

Томитъ ли стонъ немолчный
Моей безумной скорби
Твой слухъ—скорѣй уста мнѣ
Сомкни, мой другъ, лобзаньемъ,
Скажи съ улыбкой нѣжной,
Что любишь ты меня.

Томитъ ли рѣчь больная
Твой слухъ—ты знаешь средство,
Чтобъ я тотчасъ замолкнулъ,
Скорѣй сомкни, другъ милый;
Уста мои лобзаньемъ,
И мнѣ шепни съ улыбкой,
Что любишь ты меня.

О чаще, другъ, тверди мнѣ,
Что любишь ты, и если
Не въ силахъ я повѣрить,
То все-жъ пріятно слышать
Слова любви больному,

Лишь только ты, другъ милый,
Тверди съ улыбкой нѣжной,
Что любишь ты меня.

Когда-жъ настанетъ часъ мой,
Въ груди съ послѣднимъ вздохомъ
Порвутся струны сердца,
Ты мнѣ глаза, другъ милый,
Закрой тогда лобзаньемъ,
На вѣкъ со мной прощаясь,
Въ послѣднiй разъ шепни мнѣ,
Ложь сладкую что будто
Любила ты меня.

Земледѣльцы.

(Съ французскаго, изъ Терье).

Утро настало; село просыпается;
Полемъ, покрытымъ алмазной росой,
Людъ со стадами вездѣ пробирается.
Небо лазурное блещетъ красой.

Пахаря доля тяжка: за работою
Онъ отъ зари до зари безъ конца
Спину сгибаетъ и, полонъ заботою,
Борется съ почвою въ потѣ лица.

Пахари-братья, къ землѣ прикрѣпленные,
Сильно томятъ васъ и стужа, и зной,
Други! но еслибъ, вторично рожденные,
Выбрать могли мы удѣлъ свой земной,—

Жить среди васъ я желалъ бы въ селеніи.
Плоть вашей плоти, взрощенный въ избѣ,
Съ дѣтства на волѣ рѣзвясь безъ стѣсненія,
Духомъ окрѣпнувъ,—быть можетъ, въ себѣ

Я и открылъ-бы тогда столько генія,
Силы, огня, чтобъ достойно воспѣть

Новаго міра средь насъ зарожденіе,—
Міра, которымъ дано вамъ владѣть.

Да, ваше время, друзья, приближается,
Волнъ вашихъ дальнихъ ужъ слышенъ приливъ...
Такъ потихоньку порой начинается
Зыбь средь простора желтѣющихъ нивъ.

Будущность—ваша. Вы, вѣкъ свой прожившіе
Въ тѣсномъ общеніи съ лономъ земли,
Связь неразрывную съ ней сохранившіе,—
Твердость и силу у ней обрѣли.

Будущность—ваша. Толпой любознательной
Вашихъ дѣтей наши школы полны,
Сонмъ ихъ сталъ силой для насъ знаменательной
Съ ней мы отнынѣ считаться должны.

Шлю вамъ привѣтъ я! Зарей лучезарною
День вашъ восходитъ, нашъ—гаснетъ во мглѣ,
Мы не примѣръ вамъ—съ душой благодарною,
Вѣчную вѣрность храните землѣ.

Не разставайтесь съ полями пахучими,
И, какъ вѣками разросшійся лѣсъ,
Въ глубь зарывайтесь корнями могучими,
Рвитесь вѣтвями къ лазури небесъ.

Почва, что силой волшебной, живительной
Колосу зрѣлость, ростъ лѣсу даетъ,
Въ гроздь винограда льетъ сокъ упоительный,—
Всѣхъ насъ къ источнику жизни зоветъ.

Мы же, отвергнувъ дары ея чудные,
Мощныя ласки могучей презрѣвъ,
Гибнемъ за то—и теперь, безразсудные,
Словно ребенокъ больной, оробѣвъ,

Ждемъ, содрогаясь, безсильные, блѣдные,
Съ нашею жалкой, печальной судьбой,
Часа, когда ваши волны побѣдныя
Хлынутъ—и насъ увлекутъ за собой.

Больное дитя.

(Изъ Ришпена).

Вѣтеръ холодный бушуетъ и злится,
Колетъ, что иглами, руки и лица,
Свищетъ, гудитъ.
Тѣнью близъ дома большого чернѣя,
Кто это тамъ вотъ, дрожа, коченѣя,
Съёжась, стоитъ?

Бѣдная дѣвочка! Ей то и дѣло
Кашель зловѣщій, тщедушное тѣло,
Корчитъ, трясетъ,
Впалыя щечки морознымъ дыханьемъ,
Вѣтеръ ей краситъ, на нихъ онъ лобзаньемъ
Розы кладетъ.

Вешней фіалки душистой и скромной
Въ травкѣ запрятанный цвѣтъ сине-темный,
Много блѣднѣй
Губъ синевы, синевы подъ глазами
Дѣвочки—даръ лихорадки, ночами
Бывшей у ней.

Кашляетъ бѣдная—вдругъ раздается
Гулъ, будто издали глухо несется
Молота стукъ,

Будто бы флейты пронзительно-тонкій,
Вдругъ изъ груди вырывается звонкій
Рѣжущій звукъ.

Бѣдный ребенокъ.—Рокочутъ такъ странно
Въ маленькомъ горлѣ аккорды—нежданно,
Рѣзко звенятъ,
Всѣмъ покидающимъ міръ, его муки,
Эти ужасные, хриплые звуки
Зорю трубятъ.

Кашель замолкъ. Тишина водворилась—
Снова головка малютки склонилась
Низко на грудь.
Гаснетъ свѣча такъ на вѣтрѣ—готова
Крошка подъ сѣнью могильнаго крова,
Крѣпко уснуть.

Вечеромъ поздно, внѣ церкви, безъ клира,
Безъ ликованья, безъ шумнаго пира,
Пѣсенъ, вина,
Въ бракъ со своимъ женихомъ неизбѣжнымъ,
Съ старымъ морозомъ, съ владыкою снѣжнымъ
Вступитъ она.

Вызовъ.

(Изъ Лонгфелло, съ англійскаго).

Смутно помню я легенду,
Стародавней пѣсни сказъ—
Иль въ испанскихъ романсеро
Мною читанный разсказъ.

Го случилось подъ Саморой;
Санчо палъ—король герой—
А кругомъ стоялъ осадой
Войскъ его могучихъ строй.

И тогда, пылая местью,
Бросилъ, выступивъ на бой,
Донъ Діего де Ордоньесъ
Всей Саморѣ вызовъ свой.

Всѣхъ онъ жителей Саморы
Жгучимъ словомъ укорялъ,
Всѣхъ живыхъ и мертвыхъ громко,
Онъ измѣнниками звалъ.

Клялъ живыхъ онъ въ ихъ жилищахъ,
Клялъ онъ мертвыхъ въ ихъ гробахъ,
Клялъ вино ихъ и пшеницу,
Воду въ рѣкахъ и ручьяхъ.

Но предъ нами рать сильнѣе:
Противъ насъ идетъ борьбой
Войско сирыхъ и голодныхъ,
Удрученныхъ нищетой.

Голодающихъ милльоны
Хлѣбъ нашъ съ горечью клянутъ,
Вызовъ страшный намъ бросаютъ,
Насъ проклятью предаютъ.

И когда за шумнымъ пиромъ
Я сижу—веселье вкругъ,
Пѣсни, смѣхъ—я слышу вызовъ,
Слышу тотъ ужасный звукъ.

Лица впалые, худые,
Вижу, смотрятъ въ залу къ намъ,
Жадно руки простирая,
Къ павшимъ съ трапезы крохамъ,

Въ залѣ блескъ, благоуханье,
Свѣтъ, довольство, теплота,—
А за дверью—холодъ, голодъ,
Ужасъ, горе, нищета.

И стоитъ среди голодныхъ
Въ непогодѣ, подъ дождемъ—
Онъ, ихъ вождь—Христосъ страдалецъ,
Тамъ на полѣ боевомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРЕВОДЫ.

СТРАН.

Изъ Джусти.

Изъ Кардуччи.

Изъ Леопарди.

Изъ Гервега.

Изъ Фаллерслебена.

Цѣна 75 коп.

